

З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

ЗИГМУНТ МИЛОШЕВСКИЙ
ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

Премия «Большой Калибр» за лучший детективный роман

Лауреат премии «Paszport Polityki» за выдающиеся достижения в области литературы

Звезды детектива (АСТ)

Зигмунт Милошевский
Переплетения

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

Милошевский З.

Переплетения / З. Милошевский — «Издательство АСТ»,
2007 — (Звезды детектива (АСТ))

ISBN 978-5-7516-1334-1

Наутро после групповой психотерапии одного из ее участников находят мертвым. Кто-то убил его, вонзив жертве шампур в глаз. Дело поручают прокурору Теодору Шацкому. Профессионал на хорошем счету, он уже давно устал от бесконечной бюрократической волокиты и однообразной жизни, но это дело напрямую столкнет его со злом, что таится в человеческой душе, и с пугающей силой некоторых психотерапевтических методов. Просматривая странные и порой шокирующие записи проведенных сессий, Шацкий приходит к выводу, что это убийство связано с преступлением, совершенным много лет назад, но вскоре в дело вмешиваются новые игроки, количество жертв только растет, а сам Шацкий понимает, что некоторые тайны лучше не раскрывать ради своей собственной безопасности. Непредсказуемые, зловещие и запутанные «Переплетения» – это один из лучших детективов Восточной Европы последних нескольких лет.

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-7516-1334-1

© Милошевский З., 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Раздел первый	6
Раздел второй	17
Раздел третий	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Зигмунт Милошевский

Переплетения

Плохих людей нет, есть только запутавшиеся.
Берт Хеллингер¹

Монике – тысячекратно

Zygmunt Miłoszewski
UWIKŁANIE

Перевод с польского Анатолия Нехая

Переплетения / Зигмунт Милошевский. – Москва: АСТ, 2020

© Grupa Wydawnicza Foksal, 2007

© Анатолий Нехай, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Раздел первый

Воскресенье, 5 июня 2005 года

Большой успех возрожденного фестиваля в Яроцине², десять тысяч слушателей с вос- торгом принимали группы «Джем», «Армия» и «ТСА». А «Поколение JP2» выступило на еже- годном молитвенном собрании в Леднице. Збигнев Релига³ заявил, что примет участие в пре- зидентских выборах и хотел бы стать «кандидатом национального согласия». На юбилейном, десятом, авиатикнике в Гурашке показали два истребителя F-16, которые вызвали у собрав- шихся энтузиазм. В Баку польская команда выиграла у Азербайджана с разгромным счетом 3: 0, а тренер хозяев напал на судьбу. В Варшаве полицейские раздавали водителям ужасные снимки жертв автомобильных аварий с целью их предупреждения, на Мокотуве⁴ загорелся пассажирский автобус № 122, а на улице Киновой опрокинулась машина «скорой помощи», перевозившая печень для пересадки. Водитель, санитарка и врач попали в больницу со множе- ственными ушибами, а печень осталась целой и в тот же день была пересажена пациенту в клинику на улице Банаха. Максимальная температура в столице – 20 градусов тепла, вре- менами осадки.

1

– Позвольте рассказать вам сказку. Давным-давно в маленьком провинциальном городке жил себе плотник. Жители городка не могли похвастаться богатством, новые столы и стулья были им не по карману, поэтому и плотник бедствовал. Он еле сводил концы с концами, и чем старше становился, тем меньше верил, что его судьба может измениться к лучшему, хотя желал этого, как никто другой. Ведь у него росла красавица дочь, и он хотел, чтобы ей в жизни повезло больше, чем ему. Однажды летним днем к дому плотника приблизился богач. «Плот- ник, – сказал он, – ко мне приезжает брат, которого я давно не видел. Я хочу сделать ему под- ходящий подарок, а поскольку он приедет из страны, богатой золотом, серебром и драгоцен- ными камнями, я решил, что это должна быть необыкновенной красоты деревянная шкатулка. Если ты закончишь ее до воскресенья ближайшего полнолуния, больше никогда не будешь жаловаться на бедность». Плотник, конечно, согласился и немедленно приступил к работе. Работа была исключительно сложная и трудная, он хотел объединить разные породы деревьев и украсить шкатулку изображениями сказочных зверей. Плотник мало ел и почти не спал – только работал. Тем временем весть о визите богача и необычайном заказе быстро разнеслась по городку. Жители с большой симпатией относились к скромному плотнику, что ни день кто- нибудь приходил с добрым словом и трудился в столярке. Пекарь, купец, рыбак, даже шинкарь – каждый брался за долото, молоток или напильник, желая помочь плотнику закончить работу в срок. Увы, никто не умел работать так, как плотник, и дочка с грустью видела, как отец, вместо того чтобы сосредоточиться на заказе, вынужден поправлять испорченное друзьями. Однажды утром, когда до крайнего срока оставалось четыре дня и отчаявшийся плотник начал рвать волосы на голове, дочь встала у дверей дома и прогоняла всех, кто приходил помочь. Городок обиделся, о плотнике говорили не иначе как о грубияне и невеже, а о его дочери –

² Фестиваль в Яроцине — старейший в Польше фестиваль рок-групп; проходит ежегодно, начиная с 1980 года, в маленьком городке Яроцин Великопольского воеводства.

³ Збигнев Релига (1938–2009) – польский кардиохирург и политик, первым в Польше сделавший пересадку сердца (1985).

⁴ Мокотув — один из центральных районов левобережной Варшавы, лежащий на двух уровнях – Гурный (Верхний) и Дольный (Нижний) Мокотув.

как о невоспитанной старой деве. Если бы я хотел сказать вам, что плотник, хоть и потерял друзей, очаровал богача тонкой работой, это было бы неправдой. Потому что в воскресенье после полнолуния, когда богач пришел за заказом, он выбежал из его дома в бешенстве и с пустыми руками. Лишь много дней спустя плотник закончил шкатулку и подарил ее дочери.

Цезарий Рудский закончил рассказ, откашлялся и налил себе кофе из термоса. Троица его пациентов, две женщины и мужчина, сидела по другую сторону стола, не хватало только пана Хенрика.

– И какая в этом мораль? – спросил мужчина, сидевший слева, Эузебиуш Каим.

– Такая, какую вы сами отыщете, – отвечал Рудский. – Я понимаю, о чем говорю, но вам лучше знать, что вы сами желаете понять и какой смысл ищете. Сказки не комментируют.

Каим умолк, Рудский тоже ничего не говорил, лишь поглаживал бороду, которая, по мнению некоторых, делала его похожей на Хемингуэя. Он задумался, стоит ли касаться событий предыдущего дня. В соответствии с собственными принципами – нет. Но все же...

– Пользуясь отсутствием пана Хенрика, – сказал он, – я хотел бы напомнить всем, что не комментируют не только сказки. Мы не комментируем и ход лечения. Это один из наших принципов. Даже если сеанс был таким интенсивным, как вчера. Тем более нам следует хранить молчание.

– Почему? – спросил Эузебиуш Каим, не поднимая лица от тарелки.

– Потому что в этом случае мы заслоним словами и попытками интерпретации то, что нам открылось. А истина должна начать действовать сама и найти дорогу к нашим душам. Было бы нечестно по отношению к нам загубить ее в ученой дискуссии. Поверьте мне, так будет лучше.

Все молча продолжили есть. Июньское солнце проникало через узкие, напоминающие бойницы, окна и украшало темный зал светящимися полосками. Помещение было очень скромное. Длинный деревянный стол без скатерти, несколько стульев, распятие над дверями. Шкафчик, электрический чайник, крохотный холодильник. Больше ничего. Когда Рудский открыл это место – приют отшельников в центре города, – он был восхищен. Врач решил, что церковные помещения больше подойдут для психотерапии, чем арендованные им ранее агротуристические хозяйства. И был прав.

Хотя в том же здании размещались костел, школа, поликлиника и несколько частных фирм, а рядом проходила Лазенковская трасса⁵, в нем было очень спокойно. А именно в спокойствии его пациенты нуждались больше всего.

Спокойствие имеет свою цену. Здесь отсутствовала кухонная утварь, пришлось покупать холодильник, чайник, термос и комплект столовых приборов. Обеды заказывали в городе. Пациенты жили в одиночных кельях. Кроме того, к их услугам была маленькая трапезная, в которой они теперь сидели, и небольшой зал, где проходили сеансы. Его венчал крестообразный купол, опирающийся на три толстые колонны. Конечно, не крипта Леонарда⁶, но, по сравнению с комнаткой, где Рудский обычно принимал пациентов, выглядела она почти так же.

Теперь, однако, он сомневался, не выбрал ли место слишком мрачное и замкнутое.казалось, высвобождавшиеся во время сеансов эмоции оставались в этих стенах, отскакивая от них, словно каучуковый мячик, и попадали рикошетом в каждого, кто имел несчастье там оказаться. Он был еле жив после вчерашних событий и радовался, что скоро все закончится. Хотелось выйти отсюда как можно быстрее.

Он глотнул кофе.

Ханна Квятковская, тридцатипятилетняя женщина, сидевшая напротив Рудского, крутила в пальцах ложечку, не сводя с него глаз.

⁵ Лазенковская трасса соединяет центр Варшавы с ее правобережной частью (Прагой) по построенному в 1970-е годы Лазенковскому мосту через Вислу.

⁶ Крипта Святого Леонарда располагается под собором Святых Станислава и Вацлава в Кракове. Ее построили в XI веке. В ней похоронены многие короли и общественные деятели, в том числе Костюшко.

– Да? – спросил он.

– Я волнуюсь, – произнесла она деревянным голосом. – Уже четверть десятого, а пана Хенрика все нет. Может, сходить посмотреть, все ли в порядке, пан доктор?

Он встал.

– Посмотрю. Я думаю, пан Хенрик просто отсыпается после вчерашних эмоций.

По узкому коридорчику (в этом доме все было узким) он дошел до комнаты Хенрика. Постучал. Молчание. Постучал еще раз, более решительно.

– Пан Хенрик, подъем! – крикнул он через двери.

Подождав еще секунду, он нажал на ручку и вошел в комнату. Пусто. Постель застелена. Личных вещей нет. Рудский вернулся в трапезную. Три головы одновременно повернулись в его сторону, будто росли из одного туловища. Ему вспомнился трехглавый дракон на иллюстрации в детской книжке.

– Пан Хенрик нас покинул. Пожалуйста, не принимайте на свой счет. Не в первый и не в последний раз пациент внезапно отказывается от лечения. Особенно после такого интенсивного сеанса, как вчера. Надеюсь, пережитое подействует и ему станет лучше.

Квятковская даже не вздрогнула. Каим пожал плечами. Барбара Ярчик, последняя из троицы – до недавнего времени четверки – его пациентов, взглянула на Рудского и спросила:

– Это конец? В таком случае и мы можем идти домой?

Терапевт отрицательно помотал головой.

– Прошу вас на полчаса пройти в свои комнаты, отдохнуть и успокоиться. Ровно в десять соберемся в зале.

Вся троица – Эuzeбиуш, Ханна и Барбара – закивали и вышли. Рудский прошел вдоль стола, проверил, не остался ли в термосе кофе, и налил себе полную чашку. Ругнулся – забыл оставить в чашке место для молока. Теперь у него был выбор – вылить или отпить. Он не переносил вкус черного кофе. Отлил немного в мусорную корзину. Добавил молока и встал у окошка. Смотрел на проезжавшие мимо автомобили и стадион на другой стороне улицы. Как эти позорники вчера снова умудрились проиграть матч, подумал он. Теперь им даже серебряных медалей не видать, не поможет и недавнее унижение «Вислы»⁷, и победа со счетом 5: 1 две недели назад. Но, может, удастся, по крайней мере, завоевать кубок; завтра – первый полуфинал с «Гроцлином». Тем самым, которого «Легии»⁸ ни разу не удалось победить за последние четыре года. Снова какое-то дьявольское проклятие.

Он тихо засмеялся. Невероятно, как работает человеческий мозг, если у него хватает ума заниматься ситуацией в высшей лиге. Поглядел на часы. Еще полчаса.

За минуту до десяти он вышел из трапезной и отправился в ванную почистить зубы. По дороге встретил Барбару Ярчик. Та взглянула на него вопросительно, видя, что врач идет в сторону, противоположную залу.

– Я сейчас, – махнул он ей.

Не успел он выдавить пасту, как услышал крик.

2

Теодора Шацкого разбудило то, что обычно будило по воскресеньям. Нет, не головная боль с похмелья, не жажда, не потребность сходить по-маленькому и не солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь соломенные жалюзи; не дождь, барабанивший по крыше над балконом. Это

⁷ Две команды: краковская «Висла» и варшавская «Легия» доминировали в польской футбольной Высшей лиге, наподобие московских «Спартака» и ЦСКА.

⁸ Две команды: краковская «Висла» и варшавская «Легия» доминировали в польской футбольной Высшей лиге, наподобие московских «Спартака» и ЦСКА.

была Хелька, его семилетняя дочка, запрыгнувшая на Шацкого с разбегу с такой силой, что кушетка из ИКЕА затрещала.

Он открыл один глаз, и на него сразу упала каштановая кудряшка.

– Видишь? Бабушка сделала мне локоны.

– Вижу, – сказал он и отодвинул волосы с глаза. – Жаль, она тебя ими не связала.

Поцеловав дочку в лобик, он скинул ее с себя, встал и пошел в туалет. Он уже был в дверях комнаты, когда с другой стороны постели что-то зашевелилось.

– Набрызгай мне воды для кофе, – услышал он мурлык из-под одеяла.

Концерт по заявкам, как и всякий выходной. Он сразу почувствовал раздражение. Проспал Шацкий десять часов, но чувствовал себя невероятно усталым. Он уже не помнил, когда это началось. Мог лежать в постели хоть до полудня и все равно вставал с неприятным привкусом во рту, песком в глазах и болью, тлеющей где-то между висками. Бесполезно.

– Почему ты не скажешь просто, чтобы я сварил тебе кофе? – обратился он с претензией к жене.

– Я сама сварю, – он едва различал ее слова, – не хочу морочить тебе голову.

Шацкий поднял глаза к небу в театральном жесте. Хелька рассмеялась.

– Ты всегда так говоришь, а потом я все равно готовлю тебе кофе.

– Не надо. Я прошу тебя только налить воды.

Он справил нужду и заварил жене кофе, стараясь не глядеть на гору грязной посуды в раковине. Четверть часа на мытье, если она пожелает приготовить обещанный завтрак. Боже, как он устал. Вместо того чтобы проспать до полудня, а потом сесть за телевизор, как все прочие жители этой патриархальной страны, он строит из себя супермужа и супергероя.

Вероника выкарабкалась из постели и встала в прихожей, внимательно разглядывая себя в зеркале. Он тоже посмотрел на нее критическим взглядом. Сексуальной она была всегда, но моделью ее не назовешь. Кроме того, трудно найти объяснение второму подбородку и животику. Ну, и ти-шорт 1. Он не требовал, чтобы жена каждую ночь спала в тюле и кружевах, но, черт возьми, почему она постоянно носит ти-шорт⁹ с выцветшей надписью «Disco fun», сохранившийся, вероятно, со времен посылок с заграничными подарками! Он подал жене чашку. Та взглянула на него припухшими глазами и почесала под грудью. Поблагодарив, чмокнула его мимоходом в нос и отправилась принимать душ.

Шацкий вздохнул, провел ладонью по снежно-белым волосам и отправился на кухню.

В самом деле, что тут такого? – подумал он, пытаясь выудить губку из-под горы грязных тарелок. Сварить кофе – одна минута, помыть посуду – другая, приготовить завтрак – третья. Какие-то полчаса, и все будут счастливы. Он почувствовал еще большую усталость при мысли о времени, утекающем сквозь пальцы. Стояние в пробках, тысячи пустых часов, проведенных в суде, бессмысленные перерывы в работе, заполняемые в лучшем случае раскладыванием пасьянса, ожидание чего-то и кого-то, ожидание ожидания... Ожидание в качестве оправдания того, что можно ничего не делать. Ожидание как самая мучительная профессия в мире. Шахтерударник не так устает, как я, мысленно пожаловался он себе, пытаясь поставить стакан на сушилку, где решительно не хватало места. А почему сначала не снять вымытую посуду? К чертям все. Неужели у каждого такая изматывающая жизнь?

Зазвонил телефон. Хеля взяла трубку. Он прислушивался к разговору, идя в комнату и вытирая руки о полотенце.

– Папа дома, но не может подойти: он сейчас моет посуду и жарит нам яичницу...

Он вынул трубку из руки дочери.

– Шацкий. Слушаю.

⁹ От англ. *T-shirt* — рубашка с короткими рукавами.

– День добрый, пан прокурор! Не хочу огорчать, но сегодня вам не удастся изжарить яичницу, разве что на ужин, – услышал он знакомый голос с напевным русским акцентом на другом конце провода, голос Олега Кузнецова из комендатуры на Волчьей.

– Олег, умоляю, не делай этого!

– Это не я, пан прокурор, а город вас призывает.

3

Большой старый «Ситроен» проплыл под пилоном Свентокшиского моста ¹⁰ с грацией, которой позавидовали бы многие автомобили, ехавшие там же подобно нахальному продакт-плейсменту¹¹ в польских романтических комедиях. Может, этот Пискорский¹² и жулик, – подумал Щацкий, но два моста стоят. При власти Утенка ¹³ и думать было нечего, чтобы кто-нибудь решился на подобную инвестицию.

Особенно перед выборами. Вероника была юристом в городском правлении и не раз рассказывала, как теперь принимают решения: на всякий случай, их вообще не принимают.

Он съехал на Повисле ¹⁴ и – как обычно – вздохнул с облегчением. Тут он у себя дома. Десять лет прожил на Праге и никак не мог привыкнуть. Старался, но его новая «малая родина» имела всего одно достоинство – находилась недалеко от Варшавы. Проехал театр «Атенеум», где когда-то влюбился в «Антигону в Нью-Йорке»¹⁵; госпиталь, где родился; спортивный центр, в котором учился играть в теннис; парк под зданиями парламента, где безумствовал на санках с братом, и бассейн, где научился плавать и схватил грибок. Он был в Центре. В центре своего города, центре своей страны, центре своей жизни. Самом некрасивом из всех доступных его воображению *axis mundi* ¹⁶.

Он проехал под рассыпающимся виадуком, свернул в Лазенковскую и припарковался перед Домом культуры, тепло вспоминая о находящемся в двухстах метрах далее стадионе, на котором столичные ребята только что разнесли в пух и прах «Белую Звезду». Спорт он не увлекался, но Вероника была такой заядлой болельщицей, что волей-неволей ему пришлось выучить наизусть результаты всех матчей «Легии» за последние два года. Завтра его жена наверняка отправится в трехцветном шарфике на четвертьфинал кубка.

Он запер машину и взглянул на строение на противоположной стороне улицы – одно из самых курьезных зданий столицы, рядом с которым Дворец культуры или микрорайон «За железными воротами» показались бы примером малоинтересной, серой архитектуры. Когда-то в нем размещался приходской костел Матери Божией Ченстоховской, уничтоженный во время войны, один из центров сопротивления повстанцев¹⁷. Не восстанавливаемый на протяжении десятилетий, он наводил страх своими мрачными развалинами, обломками колонн и открытыми подвалами. Когда его в конце концов воскресили, он стал визитной карточкой хаотичной городской застройки. Каждый, кто проезжал Лазенковской трассой, видел эту кирпичную химеру, помесь костела с монастырем, крепостью и дворцом Гаргамеля¹⁸. В этом месте некогда появился Злой Дух. А теперь в нем нашли мертвое тело.

¹⁰ *Свентокшиский мост* – первый в Варшаве вантовый мост через Вислу, построенный в 2000 году.

¹¹ От англ. *product placement* – скрытая реклама, использующая товары реальных брендов вместо театрального реквизита.

¹² *Матеуш Пискорский* (род. 1977) – польский политик и политолог, депутат польского сейма V созыва.

¹³ Прозвище Качиньского (от польск. *kaczor* – «утенок»).

¹⁴ *Повисле* – прибрежный район центральной Варшавы.

¹⁵ «Антигона в Нью-Йорке» – пьеса Януша Гловацкого, поставленная в театре «Атенеум» в 1993 году с Марией Циунелис в главной роли.

¹⁶ *Axis mundi* – ось мира (лат.).

¹⁷ Имеется в виду Варшавское восстание 1944 года.

¹⁸ *Гаргамель* – персонаж мультсериала, фильмов и комиксов о Смурфах.

Шацкий поправил галстук и перешел на другую сторону улицы. Начинало моросить. У ворот стоял микроавтобус и полицейская машина без знаков. Рядом несколько зевак, вышедших с утренней мессы. Олег Кузнецов разговаривал с техником из Центральной криминалистической лаборатории. Прервав разговор, он подошел к Шацкому. Пожали руки.

– Ты что, собираешься потом на коктейль на Розбрате¹⁹? – пошутил полицейский, поправляя ему лацканы пиджака.

– Слухи о связи прокуратуры с политиками такие же необоснованные, как сплетни о дополнительных источниках доходов у некоторых варшавских полицейских, – парировал Шацкий. Он не любил, когда смеялись над его одеждой. Независимо от погоды, на нем всегда был пиджак с галстуком, ведь он – прокурор, а не развозчик фруктов по овощным лавкам.

– Что мы имеем? – спросил он, вытаскивая сигарету. Первую из трех, которые позволял себе ежедневно.

– Один труп, четверо подозреваемых.

– Боже, опять какая-нибудь алкогольная стычка. Не думал, что в этом дьявольском городе и в костеле можно столкнуться с малиной. Да еще порезали друг друга в воскресенье, уважения ни на грош. – Шацкий определенно расстроился. Он был взбешен еще и оттого, что его семейное воскресенье пало жертвой убийства.

– Ты не совсем прав, Тео, – проворчал Кузнецов, крутясь во все стороны в поисках позиции, где ветер не задувал бы пламя зажигалки. – В этом здании, помимо костела, есть куча разных фирм. Помещения сдаются: школе, центру здоровья, разным католическим организациям, есть даже что-то вроде классов для реколлекций²⁰. Разные группы приезжают сюда на уик-энды, чтобы молиться, разговаривать, слушать проповеди и так далее. Как раз сейчас на три дня помещение снял психотерапевт с четверкой пациентов. Они работали в пятницу, субботу и после ужина расстались. Сегодня на завтрак пришел только врач и трое пациентов. Четвертого нашли минуту спустя. Увидишь сам, в каком виде. Их комнаты – в отдельном крыле, туда нельзя попасть, минуя вахту. На окнах решетки. Никто ничего не видел и не слышал. И пока никто не сознался. Один труп, четверо подозреваемых – трезвых и хорошо обеспеченных. Что ты на это скажешь?

Шацкий погасил сигарету и сделал несколько шагов, чтобы бросить окурок в урну. Кузнецов щелчком выстрелил свой на улицу, прямо под колеса автобуса № 171.

– Я не верю в такие истории, Олег. Сразу выяснится, что вахтер проспал полночи и какой-нибудь жулик пробрался внутрь, чтобы раздобыть денег на вино, по дороге столкнулся с бедным нервнобольным, перепугался больше него и от страха всадил перо. Ему нужно похвастаться кому-нибудь из твоих доносчиков, и дело будет закрыто.

Кузнецов пожал плечами.

Шацкий верил в то, что наговорил Олегу, но чувствовал нарастающее любопытство, когда они миновали вход и по узкому коридорчику направились к залу, где лежало тело. Он сделал глубокий вдох, чтобы справиться с волнением и одновременно с боязнью перед контактом с трупом. Но когда увидел тело, на лице уже читалось профессиональное безразличие. Теодор Шацкий спрятался за маску чиновника, стоящего на страже правопорядка в Речи Посполитой.

4

Мужчина в сером костюме, около пятидесяти лет, немного грузный, сильно поседевший и без лысины, лежал навзничь на покрытом зеленоватым линолеумом полу, совершенно не соответствующем куполу в форме креста.

¹⁹ На улице Розбрат находилось кафе «Ротонда», где часто устраивали приемы.

²⁰ *Реколлекции* — духовные занятия, проводимые обычно перед Великим постом.

Рядом с ним стоял серый старомодный чемодан, закрывающийся не на защелку, а на два металлических замка, дополнительно страхуемых короткими поясками с застёжками.

Крови было совсем немного, но Шацкий не чувствовал себя лучше из-за этого. Ему стоило больших усилий подойти уверенным шагом к жертве и присесть на корточки у головы. У него разыгралась желчь. Он проглотил слюну.

– Отпечатки? – спросил он равнодушно.

– На орудии убийства отпечатков нет, пан прокурор, – ответил старший техник, присевший с другой стороны тела.

– Мы их собрали в других местах, как и микроследы. Нужно ли брать пробы запахов?

Шацкий отрицательно покачал головой. Если погибший два последних дня пребывал в обществе людей, один из которых его убил, запах не поможет. Столько раз ему опровергали эту улику в суде, жаль напрасно затруднять техников.

– А что это такое? – обратился он к Кузнецову, показывая на острие с черной пластмассовой ручкой, торчащее из правого глаза жертвы. Благодаря вопросу он мог с облегчением перевести взгляд на полицейского, вместо того чтобы рассматривать бордово-серую массу, которая когда-то была глазом мужчины, а теперь запеклась на его щеке, формой напоминая гоночный автомобиль «Формулы-1».

– Вертел, – ответил Олег. – Или что-то вроде. В столовой их целый комплект, в таком же стиле. Ножи, вилки, тесак.

Шацкий покивал. Орудие убийства взято на месте. Какова вероятность, что убийца пришлый? Почти нулевая, суд теоретически может признать, что тут была толпа, как на Маршалковской, которую никто не заметил. А все сомнения... и так далее.

Он задумался, как разыграть встречу со свидетелями, которые фактически были подозреваемыми. Тут в зал заглянул некто в мундире.

– Пан комиссар, приехала вдова. Не желаете ли?

Прокурор и Олег вышли во двор.

– Как его звали? – шепнул он Кузнецову.

– Хенрик Теляк. Жена – Ядвига.

У милицейского автобуса стояла женщина из разряда тех, кого мужчины обычно называют красивыми. Довольно высокая, стройная, в очках, с темными волосами в легкой седине и решительными чертами лица. Одета в светло-зеленое платье и сандалии.

Когда-то она, вероятно, была неотразима, да и сейчас гордо носила исчезающую красоту. Кузнецов подошел к ней и поклонился.

– День добрый, меня зовут Олег Кузнецов, я комиссар полиции. А это прокурор Теодор Шацкий, он будет вести следствие. Прошу принять наши глубочайшие соболезнования. Обещаем сделать все, что в наших силах, чтобы найти и наказать убийцу вашего мужа.

Женщина кивнула. Взгляд был отсутствующий, видимо, она приняла успокоительное. Возможно, еще не вполне осознала произошедшее. Шацкий знал, что первой реакцией на смерть близкого человека часто становится неверие. Боль приходит позднее.

– Как это случилось? – раздался вопрос.

– Разбойное нападение. – Шацкий лгал так гладко и с такой уверенностью, что ему не раз советовали заняться адвокатурой. – Пока все указывает на то, что ночью взломщик случайно наткнулся на вашего мужа. Вероятно, пан Хенрик пытался его задержать. А вор его убил.

– Как? – спросила она.

Мужчины обменялись взглядами.

– Вашему мужу нанесли удар в голову острым предметом. – Шацкий не переносил криминалистический новояз, но тот лучше подходил, чтобы очистить смерть от драматургии. Сказанное звучало мягче, чем «кто-то вбил ему вертел в мозг через глаз». – Умер мгновенно. Врач утверждает, что он не успел почувствовать боль, – так быстро наступила смерть.

– Ну, хотя бы так, – сказала женщина после минутного молчания и в первый раз подняла голову. – Можно его увидеть? – спросила она, глядя на Шацкого, перед глазами которого моментально встало серое пятно в форме гоночной машины.

– В этом нет необходимости.

– Я хотела бы с ним попрощаться.

– Идет фиксация следов, – добавил Кузнецов. – Атмосфера не слишком интимная, к тому же, прошу поверить, зрелище не из приятных.

– Ну, как хотите, – покорно согласилась она. Шацкий сдержал вздох облегчения.

– Я могу идти?

– Конечно. Прошу только оставить ваши координаты. Мне придется с вами поговорить. Женщина продиктовала Кузнецову адрес и телефон.

– А тело? – спросила она.

– К сожалению, придется делать вскрытие. Но самое позднее в пятницу его сможет забрать похоронное бюро.

– Хорошо. Может, удастся устроить похороны в субботу. Полагается хоронить до воскресенья, иначе в том же году умрет еще кто-нибудь из семьи.

– Это предрассудок, – ответил Шацкий. Он вынул из кармана две визитки и вручил вдове. – На одной – мои телефоны, на другой – организации, которая помогает семьям жертв преступлений. Советую туда позвонить. Вам помогут.

– Они занимаются воскрешением мужей?

Шацкому не хотелось, чтобы разговор принял подобную окраску. Сюрреалистические замечания обычно предшествуют истерике.

– Скорее, воскрешают живых. Возвращают к жизни, куда люди часто не хотят возвращаться сами. Конечно, вы вольны делать, что пожелаете. Я только говорю, что эти люди способны помочь.

Вдова кивнула и спрятала обе визитки в сумочку. Комиссар и прокурор попрощались с ней и вернулись в строение.

Олег спросил, не желает ли Шацкий встретиться с людьми, проходившими терапию. Он еще не решил, как все разыграть, и хоть вначале собирался сделать это здесь и сразу, теперь счел, что встречу лучше отложить, чтобы их помучить. Старый добрый метод лейтенанта Коломбо. Он пытался представить, о чем они думают – *omen est omen*²¹ – преследуя свои цели. Наверное, перебирают в памяти каждое слово и жест за последние два дня, ища подсказки, кто из них мог оказаться убийцей. Конечно, кроме самого убийцы – тот, в свою очередь, проверяет, не выдал ли себя чем-то. И все при достаточно сенсационном предположении, что убийца – один из них. Можно ли исключить вариант, что убийца пришел извне? Нет, нельзя. Как обычно, на данном этапе ничего нельзя исключать. Да, дело может стать интересным, приятно отличающимся от обычных городских убийств: вонь, пустые бутылки и юшка крови на стенах; рыдающая на полу женщина, выглядящая на тридцать лет старше данных метрики; изумленные, не пришедшие в себя собутельники, не верящие, что кто-то из них по пьяни зарезал приятеля. Сколько раз видел он это?

– Не сейчас, – ответил он. – Послушай, что мы сделаем. Допроси сначала ты, в конце концов так принято. Но только сам, а не патрульный милиционер, две недели назад живший с папой и мамой в предместьях Седлец. Говори спокойно и непринужденно, обращай с каждым как со свидетелем. Спроси, когда они в последний раз видели Теляка, когда с ним познакомились, что делали ночью. Не спрашивай, что их объединяет и о ходе лечения, пусть почувствуют себя в безопасности. А у меня так будет повод вызвать их еще пару раз.

²¹ Имя – это все (лат.).

– Ну ты голова, – удивился Олег. – Хочешь с ними поиграть, чтобы подготовить почву. Составлять протоколы, писать разборчиво, дать прочитать...

– Выбери себе какую-нибудь стажерку, пусть пишет протоколы круглыми буквами. Встретимся утром на Волчьей, обменяемся впечатлениями, поговорим и решим, что делать дальше. Правда, мне нужно быть на объявлении приговора по делу Пещоха, но я попрошу Эву сходить вместо меня.

– Поставишь кофе.

– Смилуйся. Я государственный служащий, а не гаишник. Моя жена – тоже государственная служащая. Мы пьем растворимый кофе на работе и никому не ставим.

Олег вытащил сигарету. Шацкий еле удержался, чтобы не последовать его примеру: не хотел, чтобы на конец дня оставалась всего одна, последняя сигарета.

– Поставишь кофе, не о чем говорить.

– Ты паршивый русский.

– Я знаю, мне все так говорят. Так как, в «Горячке» в девять?

– Ненавижу этот притон «мусоров».

– В «Браме»?

Шацкий кивнул. Олег проводил его к машине.

– Боюсь, трудно нам будет, – произнес полицейский. – Если убийца не совершил ни одной ошибки, а остальные ничего не видели, – могила.

Шацкий не сдержал улыбку.

– Ошибки бывают всегда, – заключил он.

5

Он не помнил, когда его так баловала погода в Татрах. С вершины Копы Кондрацкой открывался прекрасный вид на все четыре стороны, только вдаль над словацкой частью Высоких Татр виднелись маленькие тучки. С тех пор как ранним утром он припарковался в Кирах и после короткой прогулки через Коцелиско²² стал взбираться на Червоне Верхи, ему все время сопутствовало солнце. С середины дороги, когда тропинка круто пошла вверх, низкий косой кустарник уже не давал шансов на тень, а поблизости не было ни ручейка, так что горная прогулка превратилась в марш по раскаленной сковородке. Ему припомнились рассказы об американских солдатах во Вьетнаме, у которых, говорят, во время дневного патрулирования мозговая жидкость закипала под раскаленными солнцем касками. Он всегда считал это ерундой, но теперь испытывал нечто подобное, хотя его голову защищала не каска, а бежевая шапочка, привезенная на память из австралийского путешествия много лет назад.

Когда он приблизился к гребню, перед глазами пошли черные точки, а ноги сделались ватными. Ему оставалось лишь проклинать себя – семидесятилетнего идиота, которому кажется, что все можно делать, как прежде: пить, любить, ходить по горам...

На гребне он упал без сил на землю, позволив ветерку охладить тело, и стал вслушиваться в бешеный ритм сердца. Ничего не поделаешь, подумал он, видимо, придется спускаться в Темняк, а не на Маршалковскую. Когда сердце успокоилось, он подумал, что лучше было бы закончить жизнь в Малолончнике, – это приятнее, нежели проклятый Темняк. Не хватало еще, чтобы после его смерти о нем рассказывали анекдоты. Поэтому он потащился в Малолончник, попил там кофе из термоса, стараясь не думать о мышце номер один, и с разгона добрался до Копы. Странное дело, похоже, слабое сердчишко вкупе со старческой дуростью на сей раз его не прикончит. Он налил очередную чашку кофе, вытащил завернутый в фольгу бутерброд и стал наблюдать за тридцатилетними толстопузиками, которые взбирались на несчастную Копу

²² Коцелиско — поселок рядом с Закопане.

с таким усилием, будто это был семитысячник. Ему захотелось дать совет: брать с собой кислородные маски.

Как можно так распускаться? – думал он, с презрением глядя на едва волочивших ноги туристов. В их возрасте он мог с утра пораньше пробежаться от приюта в Кондратовой до Копы и вернуться назад через Пекло – для разогрева и чтобы нагулять аппетит к завтраку. Да, были времена. Все ясно, имеет смысл и доступно.

Он протянул к солнцу свои загорелые и все еще мускулистые икры, покрытые седыми волосами, и включил мобильник, намереваясь послать СМС жене, ждущей его в пансионате у Стражиско. Едва включившись, телефон сразу зазвонил. Мужчина выругался и нажал «прием».

– Да?

– День добрый, говорит Игорь. У меня для вас известие.

– Да?

– Хенрик скончался.

– Как это случилось?

– Боюсь, несчастный случай.

Он ни секунды не раздумывал, что ответить.

– Печальное известие. Я постараюсь вернуться завтра, но надо как можно быстрее заказать некролог. Ты понял?

– Конечно.

Он выключил телефон. Писать жене расхотелось. Допил кофе, надел рюкзак и двинулся в сторону перевала под Копой. Он еще выпьет пива на Калатувках ²³ и решит, как объяснить жене, что нужно возвращаться в Варшаву. Они прожили вместе почти сорок лет, а такие разговоры его по-прежнему напрягали.

6

Прокурор Теодор Шацкий включил мощный трехлитровый мотор V6 «ситроена» с некоторым трудом – газовая система снова барахлила, подождал, пока гидравлика поднимет его дракона с земли, и двинулся в направлении Вислострады, намереваясь переехать по Лазенковскому мосту на другой берег. В последний момент передумал, свернул в сторону Вилянова и остановил машину на автобусной остановке у улицы Гагарина. Включил аварийку.

Давно, десять лет назад – можно сказать, пару столетий, – они жили здесь с Вероникой, когда Хельки еще не было на свете. Студия на третьем этаже, оба окна на Вислостраду. Кошмар. Днем – один тир за другим, после заката – ночные автобусы и «малюхи»²⁴, мчащиеся со скоростью сто десять в час. Он научился различать марки автомобилей по звуку моторов. На мебели в квартире собирался толстый слой жирной черной пыли, окно становилось грязным уже через полчаса после мытья. Хуже всего было летом: приходилось открывать окна, чтобы не задохнуться, но тогда было невозможно разговаривать и смотреть телевизор. Другое дело, что они тогда чаще любились, чем слушали последние известия. А теперь? Он не был уверен, что они дотянули бы до среднего уровня по стране, который когда-то их насмешил. Как? Неужели есть люди, занимающиеся этим всего раз в неделю? Ха-ха-ха!

Шацкий фыркнул и приоткрыл окно. Дождь лил в полную силу, и капли попадали внутрь, оставляя темные следы на обивке. В «их» окне крутилась невысокая блондинка в блузке на бретельках с волосами до плеч.

²³ *Калатувки* — горнолыжный комплекс вблизи Закопане.

²⁴ *«Малюха»* — польский «Фиат 126».

Интересно, что было бы, думал Шацкий, если бы я сейчас припарковался во дворе, вошел в квартиру на третьем этаже, а там меня ждала бы эта девушка. Если бы у меня была совершенно другая жизнь, пластинки с иной музыкой, другие книги на полках, если бы я ощущал другой запах лежащего рядом тела. Можно было бы пойти на прогулку в Лазенки, и я бы рассказал ей, почему мне пришлось сегодня быть на работе – предположим, в архитектурной мастерской, а она бы мне сказала, что я молодец и она купит мне мороженое у Театра на Острове. Все было бы по-другому.

Какая подлость, пришел к выводу Шацкий, что у нас всего одна жизнь, и та быстро надоедает.

Лишь одно ясно, подумал он, поворачивая ключ. Мне нужна смена. Я нуждаюсь в смене, черт побери.

Раздел второй

Понедельник, 6 июня 2005 года

Отец Хеймо прислал из Рима специальное заявление, в котором долго и путано объясняет, что не сотрудничал с СБ²⁵. В том же Риме папа Бенедикт XVI повторно выразил протест Костелу относительно гомосексуальных браков, аборт и генной инженерии. Верный Костелу кандидат в президенты Лех Качиньский заявил, что запретит гей-парады, и подчеркнул, что упорство «некоторых кругов», очевидно, связано с предстоящими выборами. Бывший президент Лех Валенса пригласил нынешнего президента и его супругу на свои именины. В Варшаве Иоганна Райковская монтирует свежие листья на пальме в Аллеях Иерусалимских, в ДПЗ на Раковецкой первый концерт дает организованная там рок-группа, а неподалеку, на Спацеровой, восьмидесятишестилетняя женщина не смогла за сутки выбраться из ванны. Вечером состоятся полуфиналы Кубка Польши: «Легия» играет на своем поле с «Гоцлином», а «Висла» – с «Заглембе» из Любина. Максимальная температура в столице – 18 градусов, небольшой дождь, облачно.

1

Шацкий отвел дочку в садик, завез Веронику на Медовую, в городское правление, и ровно в девять сидел в «Браме» на Кручей, ожидая Олега. Ему хотелось есть, но было жалко тратить полтора десятка злотых на завтрак. С другой стороны, подумал он, месяц только начинается, деньги на счету еще есть. Не затем же он столько лет мучился в университете, на практике и в стажировках, чтобы теперь не иметь возможности заказать себе завтрак. Он заказал омлет с сыром и помидорами.

Официантка как раз ставила перед ним еду, когда появился Кузнецов.

– Прошу, прошу, – сказал он, садясь с другой стороны столика. – А ты принес баночку с растворимым кофе, чтобы тебе его здесь приготовили?

Шацкий воздержался от комментария, лишь выразительно поглядел на полицейского. Кузнецов заказал черный кофе и вытащил пачку бумажек.

– Вот тебе служебная записка, протокол осмотра места и показания свидетелей. Еще протоколы обысков, ты должен мне их утвердить. Я послушался твоего совета и призвал на помощь практикантку. Глянь, какие красивые круглые буковки. Пишет так же красиво, как выглядит.

– Не встречал ни одной красивой полицейской, – зло заметил Шацкий.

– Вероятно, тебе не нравятся мундиры. А я всегда представляю их в одной фуражке и блузочке на голое тело, застегнутой на две пуговицы...

– Лучше расскажи, как было вчера.

Кузнецов поудобнее разместил свое костистое тело на стуле и сложил руки, будто для молитвы.

– Я почти уверен, – начал он серьезно и торжественно, – что убил камердинера.

Шацкий положил вилку на край тарелки и тяжело вздохнул. Контакты с полицейскими порой напоминали ему работу воспитателя, у которого все дети в классе страдают ADHD²⁶. Требуется большое терпение и выдержка.

– А какая будет пуэнта²⁷? – спросил он холодно.

²⁵ СБ — Служба (государственной) безопасности.

²⁶ ДВГА — дефицит внимания и гиперактивность.

²⁷ Пуэнта (от фр. *point*) — концовка, разгадка.

Кузнецов покрутил головой с недоверием.

– Ты страшный чинуша, Теодор. Сейчас прочтешь, что они сказали. Никто никого не знает, никто ни о чем не слышал, ничего не видел. Им всем ужасно жаль, все потрясены. Познакомились с ним неделю назад, только врач Рудский знал его дольше, примерно с год. Все заметили, что пострадавший был грустным, замкнутым, в депрессии. Говорили так убедительно, что в какой-то момент я подумал, не совершил ли тот самоубийство.

– Ты шутишь. Вбив себе вертел в глаз? – Шацкий вытер губы салфеткой. – Даже неплохой омлет.

– Вот именно, малоправдоподобно. Но раз люди способны выстрелить себе в голову или откусить собственный язык, а потом проглотить его, сам понимаешь. На всякий случай спроси у патологоанатома. Кстати, о языках. Мне недавно рассказали историю об одной логопедке, у которой язык был таким натренированным, что она им удавилась во время упражнений. Неплохо, а?

– А твои впечатления? – спросил Шацкий, не комментируя анекдот.

Кузнецов причмокнул и задумался. Шацкий терпеливо ждал. Он знал, что мало найдется людей с таким же быстрым и проницательным умом, как у этого громадного и чересчур добродушного полиция с русской фамилией.

– Сам увидишь, – произнес тот наконец. – Все произвели очень хорошее впечатление. Никто не был ни ненатурально владеющим собой, ни неестественно возбужденным или поверженным в шок. А ведь часто так узнаешь убийцу. Тот притворяется холодным как камень либо обезумевшим от отчаяния. Любое отклонение от нормы подозрительно, а эти все в норме. Более или менее.

– Или кому-нибудь из них известно, как он должен себя вести, – подсказал Шацкий.

– Да, врачу. Я тоже об этом думал. Кроме того, он больше других знал пострадавшего, вероятны мотивы. Я даже собирался запереть его на сорок восемь, если бы он чем-нибудь себя выдал. Но ничего подобного. Слегка заносчивый и нахальный, как все эти долбанные психи. Однако я не заметил, чтобы он лгал.

Дело говно, подумал Шацкий и движением руки остановил официантку, которая собиралась вместе с тарелкой забрать булочки и масло. Он столько заплатил, что съест все до последней крошки.

– Может, действительно несчастный случай при столкновении с каким-нибудь грабителем, – проговорил он.

– Может, – согласился Кузнецов. – Это все образованные, умные люди. Ты веришь, что кто-нибудь из них решился бы на убийство в таком театральном месте? Не нужно читать детективы, чтобы понять: нам предстоит приנוхиваться к следам до конца. Никто в трезвом виде не совершает таких идиотских убийств. Нет смысла.

Кузнецов был прав. Дело становилось интересным. Похоже, им действительно придется искать мелкого грабителя, который случайно оказался убийцей. То есть нужно действовать шаблонно, подумал Шацкий, составляя в уме список поручений.

– Сообщите в прессе, что мы ищем людей, которые крутились там ночью и могли что-то видеть. Допросите всех ночных сторожей, охранников, ксендзов, работавших там в выходные. Узнайте, кто шеф замка и с кем Рудский заключил договор о найме, чтобы с ним потолковать. Я сам собираюсь поехать туда на неделе и внимательно все осмотреть.

Кузнецов кивнул, поручения прокурора были само собою разумеющимися.

– Только напиши в свободное время для меня бумажку, чтобы было основание.

– Ясно. И еще одна просьба, уже без бумажки.

– Ну?

– Последи несколько дней за Рудским. У меня нет никаких оснований его обвинять, но на сегодняшний день он самый подозрительный. Боюсь, смоемся, и делу конец.

– Как это конец? Ты что, не веришь, что наша бравая полиция его найдет?

– Не смей меня. У нас достаточно сменить место прописки, чтобы исчезнуть навеки.

Кузнецов громко рассмеялся.

– Да ты не только чинуша, но и циник, – сказал он, вставая из-за стола. – Передай привет своей прекрасной и весьма сексуальной супруге.

Шацкий удивленно приподнял бровь. Он не был уверен, что Кузнецов имеет в виду ту женщину, которая слонялась по его дому, жалуясь каждый день на новые болезни.

2

По пути в свою комнату Шацкий взял в канцелярии новую папку для дела. На ней стоял номер IDs 803/05. Невероятно. Еще немного, и у них будет тысяча зарегистрированных следствий, не побьют ли они прошлогодний рекорд? Похоже на то, что маленький лоскуток Варшава-Центра – самый темный пункт на уголовной карте Польши. Правда, большинство следствий касалось хозяйственных, финансовых и бухгалтерских прегрешений, которыми занимался специальный отдел. Все из-за того, что около 80 % всех польских фирм разместили свои офисы между площадью Люблинской Унии и Банковой площадью. Однако хватало и обычной уголовщины. Почти двадцать прокуроров в Первом следственном отделе районной прокуратуры занимались кражами, грабежами, изнасилованиями, драками. А часто и такими делами, которыми теоретически должны были заниматься специалисты по организованной преступности окружной прокуратуры. На практике звезды из ОП выбирали себе самые интересные дела, а «обычную стрельянину» оставляли в районах. Результат был таков, что окружной прокурор одновременно вел несколько дел, а районный – несколько десятков. Вплоть до сотни, если к текущим делам присовокупить те, которые лежали в шкафах, ожидая появления свидетеля либо рассмотрения в суде, а он мог многократно откладываться. Шацкий, имевший довольно комфортную позицию – он занимался только убийствами, на прошлой неделе попытался сосчитать все свои дела. Вышло сто одиннадцать. С Теляком – сто двенадцать. Сто одиннадцать, если сегодня вынесут результативный приговор по делу Пешоха, и сто тринадцать, если это дело завернут в прокуратуру. Но не должны, все идеально приготовлено, а Шайнерт, по мнению Шацкого, был лучшим судьей Варшавского округа.

Увы, отношения прокуратуры и судов с каждым годом ухудшались. Хотя работа прокурора была ближе к занятию судей, чем полицейских, а прокуратура была «вооруженной рукой» третьей власти²⁸, дистанция между сотрудниками с фиолетовым и красным орнаментами на мантиях увеличивалась. Месяц назад начальница Шацкого поехала в суд в Лешно с просьбой ускорить рассмотрение громкого дела о групповом изнасиловании в спортивном центре на Нововойской. Ее отругали; она услышала, что суды независимы и прокурор не смеет указывать им, как работать. Смешно. Полбеда, если бы вражда сводилась к оскорблениям. С приговорами дела обстояли еще хуже. Шацкому временами казалось, что выиграть можно лишь дело, где обвиняемый уже в первый день следствия во всем признается, а потом троекратно подтверждает свое признание в зале суда. Любой другой вариант – лотерея.

Он поставил зонтик в угол комнаты; ближайшие две недели ее ни с кем не нужно делить: коллега уехала с больным ребенком в санаторий. Третий раз в этом году. Правда, ему добавились два ее дела, но, по крайней мере, не придется смотреть на бардак, который она создавала вокруг. Шацкий сел за стол, где поддерживал безупречный порядок, и вынул листок с телефонами людей с Лазенковской. Взялся было за трубку, но тут в комнату сунула голову Марыля, секретарша его начальницы.

– Тебя приглашают на беседу, – сказала она.

²⁸ Третьей государственной властью принято называть судебную, наряду с законодательной и исполнительной.

- Через четверть часа.
- Она сказала, цитирую: «Если скажет, что через четверть часа, ответь, что я приказала „немедленно“».
- Сейчас приду.
- Она сказала, цитирую...
- Сейчас приду, – повторил он твердо, указывая на телефонную трубку в руке. Марыля закатила глаза и вышла.

Он быстро договорился о встрече после полудня с Барбарой Ярчик и Ханной Квятковской, небольшая проблема возникла только с Эзуебиушем Каимом.

- У меня сегодня встреча под Варшавой.
- Прошу отменить.
- Это очень важная встреча.
- Понимаю. Я должен писать для вас оправдание или сразу прибегнуть к аресту?
- Долгая тишина.
- Собственно, она не такая важная.
- Замечательно. В таком случае до встречи в три часа.

Врач не снимал трубку. Шацкий оставил ему СМС-сообщение и ощутил неприятную сдавленность в желудке. Есть надежда, что врач просто на минутку выключил телефон. О других возможностях думать не хотелось. Еще он позвонил в морг и узнал, что вскрытие назначено на среду, в девять утра, и вышел.

– Наши кабинеты, похоже, находятся в разных измерениях времени и пространства, – приветствовала его начальница, – потому что мое «немедленно» равняется у вас десяти минутам, пан прокурор.

- А я не знал, что мне отведен кабинет, – ответил Шацкий, присаживаясь.

Районный прокурор Варшава-Центра, Янина Хорко, кисло улыбнулась. Она была на пару лет старше Шацкого, ее серый костюм сливался с серыми волосами и посеревшей от никотина кожей. Всегда слегка кривящаяся, с хмуро сведенными бровями, она опровергала тезис о том, что не существует некрасивых женщин. Янина Хорко была некрасивой, прекрасно отдавала себе в этом отчет и не пыталась скрыть свои дефекты одеждой или макияжем. Наоборот – сознательно создавала образ женщины жесткой, зловредной и до боли конкретной, что прекрасно согласовывалось с внешним видом, превращая ее в типичную начальницу-ведьму. Новые прокуроры боялись Хорко, а практиканты прятались в туалет, когда она шла по коридору.

В роли прокурора Хорко была великолепна. Шацкий ее ценил, поскольку она была не середнячком, продвинутой кем-то за верность и отсутствие ошибок, а служакой с первой линии фронта. Отслужила свое в районной прокуратуре на Воле, затем – в окружной на Краковском предместье, наконец, попала на Кручую и теперь железной рукой правила самым сложным районом Польши. В своем кабинете ей удавалось превратить самую яркую звезду в щепотку несчастья, но вне его она никогда не выступала против своих людей, не раз серьезно рискуя от их имени. Шацкий слышал, что на Краковском ее тоже боятся, особенно редко опровергают подготовленное ею решение сотрудники отдела предварительного следствия. С Шацким при власти Хорко еще ни разу не случилось, чтобы он по финансовым соображениям не получил согласия на привлечение экспертов (расходы, превышающие две с половиной тысячи злотых, утверждала окружная прокуратура), а в других районах это бывало сплошь и рядом.

Они работали вместе семь лет и питали друг к другу огромное уважение, хотя друзьями не были. Даже не перешли на ты, что устраивало обе стороны. Оба считали, что холодные, официальные отношения способствуют делу. Особенно когда на табличке у дверей – не многоцветное лого фирмы, а герб Речи Посполитой.

Шацкий вкратце изложил суть событий на Лазенковской, рассказал о планах на ближайшие дни и подозрениях, касающихся психотерапевта Рудского. Которые, впрочем, не могли быть основанием для конкретных действий против него.

– Когда вскрытие? – спросила Хорко.

– В среду утром.

– В таком случае прошу до пятнадцати часов в среду представить мне план следствия и его версии. Самое позднее. Напоминаю также, что до конца недели вам следует написать обвинительный акт по делу Нидзецкой. Я доверилась вам и парафировала замену ареста на домашний надзор, но меня это не успокаивает. Я бы хотела, чтобы дело как можно быстрее оказалось в суде.

Шацкий кивнул. Дело откладывалось с прошлой недели, – он не мог определиться с его юридической классификацией.

– Раз уж мы беседуем, еще два вопроса. Во-первых, прошу не злоупотреблять услугами женщин-коллег, которым вы нравитесь, и ходить на свои процессы в суды самому. Во-вторых, я бы хотела, чтобы вы помогли Юреку и Тадеушу с наркотиками.

Шацкому не удалось скрыть гримасу отвращения.

– Что с вами, пан прокурор? У вас что-нибудь болит? Наверное, вы не желаете, чтобы я подумала, будто вы не способны к коллективной работе. В особенности в делах, требующих многотрудных, нудных и не приносящих удовлетворения усилий.

Что правда, то правда, подумал Шацкий.

– Прошу дать мне неделю, чтобы я мог сконцентрироваться на этом убийстве. Наркотиками мы будем заниматься еще не один месяц, я успею подключиться, – сказал он.

– Хорошо, даю неделю. Я скажу Тадеушу, что с понедельника вы будете работать вместе.

На этот раз Шацкому удалось сохранить каменное лицо, хоть и с трудом. Оставалась зыбкая надежда, что за неделю появятся новые трупы, которые спасут его от нудной работы с нудными коллегами.

Аудиенция подошла к концу. Он уже держал руку на ручке двери, когда до него донесся голос начальницы:

– Не думайте, что я говорю вам комплименты, но вы прекрасно выглядите в этом костюме. Как звезда адвокатуры.

Шацкий обернулся с улыбкой. Поправил сколотые модными деревянными запонками манжеты рубашки.

– Это не комплимент, пани прокурор. И вы об этом знаете.

3

Внезапное прекращение отдыха в Закопане привело к тому, что атмосфера в шикарном «Ауди А8», на котором они спешно возвращались в Варшаву, была такой же холодной, как струя воздуха из кондиционера. Жена молча упаковала вещи, без слов провела ночь, отодвинувшись от него как можно дальше на обширном ложе в апартаменте, а утром молча села в автомобиль и молча ехала. Не помог ни ее любимый Гленн Миллер, ни обед в потрясающем греческом ресторанчике, который неведомой прихотью судьбы оказался в Крочицах, в тридцати километрах от Катовицкой трассы. Он специально сделал крюк, зная, как она любит греческую кухню. В общем, пообедали, но она не сказала ни слова.

Когда он остановил машину у их виллы в Лесной Поляне, вблизи Магдаленки²⁹, чтобы высадить жену, и увидел, как она молча направляется к калитке, в нем что-то сломалось. Он выключил долбаного Миллера и открыл дверцу.

²⁹ Магдаленка — элитарная дачная местность в Мазовецком воеводстве.

– Ты лучше подумай, в какую вонючую нору сейчас возвращалась бы с берега Свидера³⁰, если бы не то, чем я занимаюсь, – прокричал он.

В гараж под зданием Intraco, где размещался скромный офис его фирмы, он приехал часом позже. У фирмы хватило бы средств разместиться и в «Метрополитене» либо в одной из высоток на площади ООН, но ему нравилось это место: тут был свой стиль, а панорамой с 32-го этажа можно было любоваться бесконечно. Выйдя из лифта, он кивнул прекрасной как восход солнца в Татрах секретарше и без стука вошел в председательский кабинет. Свой кабинет. Игорь уже ждал. Он встал при виде шефа.

– Садись. Может, ты знаешь, сколько у женщин менопауз? Похоже, я свидетель уже третьей. А ведь меня предупреждали, чтобы не брал молодую жену. Черт бы ее...

Вместо ответа Игорь приготовил питье. Виски Cutty Sark, два кубика льда, немного содовой. Подал стакан председателю, который тем временем вытащил из сейфа ноутбук. Они уселись за столом напротив друг друга.

– Теперь говори, что случилось.

– Хенрика убили ночью с субботы на воскресенье в здании костела на Лазенковской.

– А что он там делал, курва его мать?

– Участвовал в групповой терапии. Возможно, его убил один из участников группы или кто-то другой, знавший, что он будет там и что подозрение падет на другого. Может, взломщик, как утверждает полиция.

– Хуя им, а не взломщик. Так всегда говорят, чтобы избавиться от прессы. Кто ведет следствие?

Игорь скривился, прежде чем ответить.

– На Волчьей – Кузнецов, на Кручей – Шацкий.

– Превосходно, – председатель громко рассмеялся. – И надо же им было убрать его как раз в Центре. Не могли на Охоте? Или на Праге? Там бы проблем не было.

Игорь пожал плечами. Председатель поставил пустой стакан на стол, подключился к системе, вложил в USB-порт специальный ключ для доступа к зашифрованной папке, открыл ее и нашел нужный файл. Любая попытка открыть папку без ключа закончилась бы мгновенным уничтожением данных. Он быстро просмотрел содержимое, в общих чертах знакомое. Задумался.

– Что будем делать? – спросил Игорь. – Первая процедура запущена.

– Оставим как есть.

– Вы уверены?

– Да. Не думаю, что тот, кто убил Хенрика, захочет пойти дальше. Если вообще об этом речь. Я думаю, мы можем чувствовать себя в безопасности.

– А Шацкий и Кузнецов?

– Посмотрим, как будет развиваться ситуация.

Игорь покивал. Не спрашивая разрешения, он забрал со стола элегантный стакан с толстым дном, в котором еще гремели кубики льда, и потянулся за бутылкой.

4

Теодор Шацкий поставил подпись в журнале «Текущие дела прокурора», отметил, что следствие ведется «по делу о лишении жизни Хенрика Теляка в помещениях костела по ул. Лазенковской, 14 в Варшаве в ночь с 4 на 5 июня 2005, т. е. по статье 148 п. 1 УК», и задержал перо над рубрикой «против» кого. К сожалению, пришлось оставить ее пустой. Опыт показывал, что следствия «по делу» чаще всего заканчивались через многие месяцы отправкой

³⁰ Свидер — речка к югу от Варшавы, место летнего отдыха варшавян.

письма на Краковское предместье с просьбой одобрить решение о «прекращении дела в связи с нераскрытием преступника, в соответствии со статьей 322 п. 1 УПК». На папке с делом писали буквы NN³¹ и с неудовольствием относили ее в архив.

Лучше с самого начала иметь подозреваемого, чтобы не блуждать в потемках.

Он внимательно прочитал материалы, принесенные Кузнецовым, но извлек из них немногим больше, чем рассказал полицейский. Во время обыска ничего особенного не нашли, единственным отклонением от нормы был пустой пузырек из-под лекарства от бессонницы, оставленный Теляком в ванной. Странно, подумал Шацкий, зачем человеку, принявшему такое лекарство, ночью вставать, одеваться и выходить? Он записал на листке: «лекарства – рецепт, отпечатки, жена». В чемодане Теляка обнаружили только одежду, косметику и книгу – детектив «Мыс позёров». Шацкий слышал о нем, вроде очень варшавский. Он был готов поспорить на тяжким трудом добытую сотню, что слово «прокурор» не встречается там ни разу, а бравый полицейский-одиночка все делает сам, включая момент установления смерти. В бумажнике Теляка нашли документы, немного денег, абонемент из проката видеофильмов, фотографии семьи и лотерейные купоны.

Он записал: «бумажник – осмотреть».

Ничего, за что можно зацепиться. Ничего.

Стук в дверь.

– Прошу! – сказал Шацкий, с удивлением глядя на часы. Квятковская должна прийти через полчаса.

В комнату вошла незнакомая девушка. Лет двадцати, не сказать что красивая. Брюнетка, короткая стрижка курчавых волос, прямоугольные очки в радужной оправе. Довольно худая, не совсем в его вкусе.

– Простите, что без звонка, я проходила мимо и подумала...

– Слушаю. Что вас привело? – прервал ее Шацкий, в глубине души молясь, чтобы это не оказалась чокнутая, пришедшая с жалобой на то, что ей пускают ток через замочную скважину.

– Меня зовут Моника Гжелька, я журналистка...

– О нет, дорогая пани, – прервал он еще раз. – Пресс-секретарь прокуратуры находится на Краковском. Эта милая особа наверняка охотно ответит на ваши вопросы.

Еще не хватало. Молодوخа сомнительной красоты, которой он должен объяснять, чем подозреваемый отличается от обвиняемого, а она потом все равно все похерит в тексте. Девушка, ничуть не смутившись, уселась и подарила ему пламенную улыбку. Улыбка была красивая, интеллигентная, шельмовская. Ею можно было заразиться. Шацкий стиснул зубы, чтобы не улыбнуться в ответ.

Взяв сумочку, она подала ему визитку. Моника Гжелька, журналист «Речи Посполитой»³².

Он полез в ящик стола, вытащил визитку пресс-секретаря и молча подал ей. Она перестала улыбаться, а он почувствовал себя подлецом.

– Не могу припомнить ваше имя, – сказал он, чтобы сгладить дурное впечатление.

Она покраснела, а он решил, что для стирания дурного впечатления выбрал неплохой текст.

– До этого я занималась самоуправлением, и только с сегодняшнего дня мне надо писать о преступности.

– Это повышение?

– Вроде того.

³¹ *Non notus* — неизвестный (лат.).

³² «Речь Посполитая» (в обиходе «Репа» или «Репка») – крупнейшая польская газета проправительственного направления.

– Нелегко вам будет писать об уголовных делах настолько нудно, чтобы это могло быть опубликовано в «Репке», – заметил он.

– Собственно, я пришла, чтобы познакомиться с вами и попросить о более подробном интервью, но вижу, ничего не получится.

– Я не адвокат, а лишь чиновник, – сказал он. – Мне не нужна реклама.

Она покивала и оглядела его неприглядную комнатенку. Шацкий бы уверен, что девушка сдерживает злость. Например: «И правда бюджетный работник». Либо: «Этого не скроешь».

– Если вы не хотите общаться на общие темы, поговорим о чем-нибудь конкретном. Я пишу об убийстве на Лазенковской. Вы, конечно, можете наговорить мне официальных выдумок, но тогда не повлияете на статью в газете. Можете сказать всю правду, в чем я сомневаюсь. Но ведь можно, по крайней мере, сказать полуправду, и тогда мне не придется печатать сплетни, почерпнутые в полицейской комендатуре.

Шацкий мысленно выругался. Иногда у него складывалось впечатление, что просить полицию о сохранении тайны не более продуктивно, чем поместить материалы следствия на плакатах и развесить их на досках объявлений...

– Наверное, вы не ждете от меня, что через день после убийства я могу располагать какими-либо правдами, полуправдами или хотя бы четвертьправдами о том, что случилось?

– А что именно случилось?

– Был убит мужчина.

Она рассмеялась.

– Вы очень невежливый прокурор, – сказала она, склоняясь в его сторону.

Он снова с трудом удержал смех. Удалось.

– Две фразы, и я пойду.

Он задумался. Это было честное предложение.

– Первая фраза: мужчина, Хенрик Т., сорока шести лет, был убит в ночь с субботы на воскресенье в помещениях костела на Лазенковской с помощью острого предмета.

– Какого?

– Очень острого.

– Вертела?

– Возможно.

– А вторая?

– Вторая: полиция и прокуратура предполагают, что Хенрик Т. стал жертвой взломщика, с которым случайно встретился, но не исключают, что это могло быть заранее спланированное убийство. Ведутся интенсивные работы с целью найти убийцу. Пока никому не предъявлено обвинение.

Она все записала.

– Красивый мужчина, хорошо одет, с приятным голосом, а говорит языком, на котором участковые пишут сообщения для факсовой рассылки.

Он позволил себе осторожно улыбнуться.

– Прошу вас ничего больше об этом деле не писать. Это может нам навредить.

– Значит, просите? – Девушка встала, застегнула молнию на сумке. На ней была кремовая юбка до колен и черные туфли на плоском каблуке, открывающие стопу. На бедре он заметил красный след; во время разговора она сидела, небрежно положив ногу на ногу. – А что я с этого буду иметь?

– Может, вы узнаете от нас чуть больше, когда остальным достанется факс из столичной комендатуры.

– А пан прокурор разрешит пригласить его на кофе? И вы мне все расскажете на языке, повсеместно называемом польским?

– Нет.

Она повесила сумку на плечо. Подошла к двери энергичным шагом. Прежде чем закрыть ее, сказала, взглянув на Шацкого:

– Я уже не помню, когда кто-либо из мужчин обращался со мной так же скверно, как вы, пан прокурор. Сожалею, что отняла у вас время.

И вышла. Шацкому тоже было жаль. Раздраженный, он встал, чтобы повесить на вешалку пиджак, и вошел в облако оставленного журналисткой запаха духов. «Романс» Ральфа Лорена. Вероника когда-то ими пользовалась. Он обожал этот запах.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ.

Ханна Квятковская, родилась 22 июля 1970 года, проживает в Варшаве на ул. Окшеи. Образование высшее, учительница польского языка в гимназии № 30 в Варшаве. Отношение к сторонам: чужая, за дачу фальшивых показаний не наказывалась.

Предупреждена об ответственности по статье 233 УК, дает показания в следующем:

С Хенриком Теляком я познакомилась в прошлое воскресенье в кабинете психотерапевта Цезария Рудского, там же познакомилась с Эузебиушем Каимом и Барбарой Ярчик. Мы должны были вчетвером провести два дня в монастыре на Лазенковской, принимая участие в групповой терапии, называемой терапией расстановок. Я никогда прежде не встречала никого из этой группы, знала только Цезария Рудского, к которому приходила в течение полугода на индивидуальное лечение, обычно раз в неделю.

Мы все встретились в пятницу, 3 июня, после полудня, вместе поужинали и рано отправились спать. Никаких терапевтических занятий не было. Требовалось только хорошенько выспаться. На следующий день после завтрака состоялся терапевтический сеанс пана Каима. Я играла в расстановке роль бывшей жены пана Каима, и это было для меня печально, потому что я чувствовала себя нелюбимой. Пан Теляк играл роль отца пана Каима, а пани Ярчик – его матери. Пан Теляк в этой расстановке как бы отодвинут в сторону, как и подлинный отец пана Каима в его семье. Поэтому я не испытывала никаких чувств по отношению к нему. После перерыва на обед состоялся сеанс пана Теляка. Пани Ярчик играла роль его жены, пан Каим – его сына, а я – его дочери, совершившей самоубийство два года назад, в возрасте пятнадцати лет. Это было ужасно печально и угнетающе. Я почувствовала себя так плохо, что самой захотелось совершить суицид. Во время расстановки выяснялись гнетущие вещи, но я не могу сказать, были ли они в действительности. Они должны были быть гнетущими прежде всего для пана Теляка, потому что все говорили, что его не любят, а я даже призналась, что из-за него совершила самоубийство. Это было страшно. Пришлось прервать сеанс, потому что пани Ярчик потеряла сознание. Примерно в 20.00. Около 20.30 я пошла в свою комнату. До этого я была на кухне: зашла, чтобы поесть и выпить чаю. Шла по коридору вместе с паном Теляком, комната которого находилась рядом с моей. Видела, как он входит внутрь, после этого я уже не выходила. Ко мне никто не заходил. Я не слышала, чтобы кто-нибудь из жильцов других комнат выходил либо ходил по коридору. Терапия меня вымотала, и около 21.30 я уже спала. Утром будильник зазвонил за полчаса до завтрака, в 8.30. Помню, я пожалела о том, что у меня в комнате нет душа. За завтраком мы немного разговаривали. Пан Рудский рассказал сказку и попросил, чтобы мы не разговаривали о вчерашних событиях. Мы забеспокоились, что за столом нет пана Теляка. Пан Рудский пошел его позвать, но сразу вернулся и сказал, что пан Теляк убежал и что такое бывает. Я не заметила, чтобы за завтраком кто-нибудь вел себя странно или необычно. Около 9.30 я пошла отдохнуть в свою комнату. Около 10.00 раздался крик пани Ярчик. Я побежала в зал и увидела тело пана Теляка. Меня стошнило, и я вышла оттуда, а потом так и не вернулась. Возле тела оставались пани Ярчик и пан Каим, а когда я выходила, разминулась с паном Рудским, бежавшим в зал.

Хочу добавить, что как в субботу вечером, так и за завтраком мы разговаривали очень мало, таковы правила терапии. Поэтому я не имела возможности познакомиться ближе с паном Теляком.

Это все, что я могу сообщить по данному делу. Подписываю протокол, полностью соответствующий моим показаниям.

Ханна Квятковская подписала каждую страницу протокола и отдала его Шацкому. Кузнецов ему говорил, что та была в сильном расстройстве, а так вполне ничего. Это правда. У Ханны Квятковской было красивое умное лицо, а нос с легкой горбинкой добавлял привлекательности и аристократического очарования. Через двадцать лет она будет выглядеть, как довоенная графиня. Гладкие волосы цвета «польской мыши» достигали плеч, их кончики закручивались наружу. И хотя никакой дом моделей не пригласил бы ее для рекламы женского белья на скачках, многие мужчины охотно рассмотрели бы с близкого расстояния ее пропорциональное и аппетитное тело. Другое дело, скольких из них не отпугнул бы ее бегающий взгляд. Шацкого – наверняка.

– Как, это все? – спросила она. – Мы ведь столько разговаривали.

– Я прокурор, а не писатель, – ответил Шацкий. – Не умею передавать все нюансы в протоколе, да это и не нужно. Впечатления и тонкости важны для меня настолько, насколько позволяют установить новые факты.

– Это как с моими учениками. Важны не впечатления, которое они производят, а их знания.

– Всегда?

– Я стараюсь, – был ответ. Она улыбнулась, но была так напряжена, что улыбка превратилась в гримасу.

Шацкий глядел на нее и размышлял, в состоянии ли она кого-нибудь убить. Если да, именно так – схватить вертел, ударить, случайно попасть. Доля истерики, доля паники, доля случая. Он видел, как эта женщина старается держать фасон, но у него создалось впечатление, что даже воздух в комнате вибрирует от ее разгулявшихся нервов.

– У вас в школе сейчас трудный период, – начал он, чтобы иметь возможность еще немного понаблюдать за ней в ходе нейтрального разговора.

– Конечно, вы же знаете, конец года. Все приходят, просят изменить оценки, три с плюсом на четыре с минусом, еще раз написать контрольную, и так далее. О проведении настоящих уроков говорить не приходится. До следующей пятницы мы должны выставить все оценки, так что осталось две недели безумия.

– Я живу недалеко от гимназии, где вы работаете.

– В самом деле? Где?

– На Бурдзиньского.

– Действительно, это в двух кварталах. Вам там нравится?

– Не очень.

Она наклонилась к нему, как бы желая поделиться постыдной тайной, и сказала:

– Мне тоже. А эти дети! Боже мой, иной раз чувствуешь себя в исправительном заведении или сумасшедшем доме. Нервы в лохмотьях. Не поймите меня превратно, они – славные ребятки, но зачем пускать ракеты в коридоре? Я этого не понимаю. А шутки о пенисах? Ведь им по тринадцать лет. Иногда даже стыдно становится. Недавно – вы не поверите – я получила СМС от одной ученицы, что та влюбилась в ксендза и может с собой что-нибудь сделать. Я вам покажу. Может, это дело прокурора?

Она начала рыться в сумочке в поисках телефона, а Шацкий пожалел, что раскрутил нейтральную тему. Разве так вела бы себя убийца? Не захотелось бы ей поскорее убраться отсюда, вместо того чтобы показывать СМС? Можно ли так хорошо сыграть эту роль?

Она подала ему телефон:

«Должна Кому Нибудь Признаться Люблю Ксендза-Марка Не Могу Жить Помогите».

– Без подписи, – прокомментировал он.

Она махнула рукой. Чувствовала себя все более свободно.

– Ну да, но я узнала, кто это, доброжелатели донесли. Сама не знаю. Может, это все же не дело для прокурора?

– А как вы думаете, кто из вашей группы убил пана Хенрика?

Она окаменела.

– Конечно, никто. Вы, надеюсь, не воображаете, что один из нас – убийца?

– А пани ручается за людей, с которыми едва знакома?

Она скрестила руки на груди. Шацкий, подобно василиску, не сводил взгляд с ее глаз. У нее был тик, правое веко ритмично дергалось.

– Да нет, это ведь нормальные люди, я слыхала об их жизни. Это, должно быть, какой-то головорез. Злодей.

Негодяй, душегубец, разбойник, зло подумал Шацкий.

– Возможно. Но ведь мог быть и кто-то из вас. Мы должны рассмотреть и такой сценарий. Я понимаю, для вас это трудно, но прошу припомнить, не случилось ли чего-нибудь такого – чего угодно, любая мелочь, – из-за чего в вашу голову пришла мысль, пусть и не вполне осознанная: «Это, вероятно, он» или: «Это, вероятно, она»? Гм?

– Мне неловко выступить с обвинениями, но вот что выяснилось на сеансе: жена пана Хенрика страшно его ненавидит, а пани Барбара так убедительно изображала ее злость, что я сама не знаю, глупо так говорить...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ.

Барбара Ярчик, родилась 8 августа 1946 года, проживает в Гродзиско-Мазовецком, на ул. Бартняка. Образование высшее, работает главным бухгалтером на производственном предприятии деревянных игрушек «Соснэкс»...

Она выглядела именно как бухгалтер или учительница на пенсии. Полная, в рабочем костюме, купленном, видимо, в магазине «для пушистых дам». Большое лицо, свободная прическа. В очках. Шацкий не предполагал, что люди в таком возрасте ходят на психотерапию. Он всегда думал, что это удел тридцати-сорокалетних, заезженных в крысиных бегах, ищущих лекарство от других лекарств и депрессии. Хотя, с другой стороны, лучше поздно осушить болото собственной души, чем никогда. Он наморщил лоб, изумившись, что ему в голову пришла такая метафора.

Она говорила бесцветно, монотонно, не выражая голосом эмоций. Шацкий автоматически записывал почти слово в слово то же, что услышал от Квятковской, задумавшись, есть ли на свете безынтонационные языки. Пани Ярчик, наверное, могла бы выучить такой язык за неделю.

– Перед десятью часами я вышла из своей комнаты и отправилась в зал для занятий. По дороге разминулась с паном Рудским, шедшим в противоположную сторону.

Шацкий очнулся.

– Вы хотите сказать, что пан Рудский видел тело до вас?

– Этого я не знаю. Сомневаюсь. Помещение, где мы завтракали, находилось рядом с залом для занятий, в другой части здания, не там, где наши комнаты. Он мог дольше оставаться на завтраке, понятия не имею. Я удивилась, что он идет в противоположную сторону, но он сказал, что сейчас вернется, и мне стало стыдно: я поняла, что он шел в туалет. Он не был бы таким спокойным, если бы нашел тело пана Хенрика.

Шацкий записал эти слова без комментария. Что терапевты делают с людьми, раз им даже в голову не приходит, что он – убийца.

– Я вошла в зал. Помню, была очень напугана, потому что следующий сеанс должен был быть мой.

Я в глубине души надеялась, что без пана Хенрика сеанс отложат. Слишком мало людей, вы понимаете. Так что я была напугана и в первый момент даже его не заметила, все время думала, как мне представить пани Ханну и пана Эuzeбиуша в роли своих детей.

Ярчик замолчала. Шацкий не торопил ее.

– Увидела ноги, – сказала она наконец, – подошла ближе и увидела тело, и вертел в глазу, и это все. Когда поняла, что вижу, меня охватила дрожь.

– Кто прибежал первым?

– Пани Ханя.

– Вы уверены?

– Да. Пожалуй, да. Потом – пан Рудский, последним – пан Эuzeбиуш.

– Пожалуйста, расскажите, что происходило, когда вы стояли над телом. Кто и что говорил, как себя вел.

– Если честно, я запомнила, прежде всего, вертел, торчащий из глаза. Это было ужасно. Остальные? Пани Ханну вообще не помню, она, вероятно, быстро вышла. Пан Эuzeбиуш, помнится, проверял пульс пана Хенрика и хотел вынуть эту штуку из глаза, но доктор крикнул, что трогать ничего нельзя и нужно вызвать полицию, а нам следует уйти как можно быстрее, чтобы не затоптать следы.

– Как настоящий «мусор» из американских детективов, – не удержался Шацкий.

– Так мы неправильно сделали?

– Очень хорошо. Молодцы.

Зазвонил телефон. Шацкий извинился и снял трубку.

– Привет, Тео. Не хотела мешать, у тебя свидетель, но Пещоху дали пятнадцать.

– Великолепно. А как обоснование?

– Прекрасно. Адвокат не имел к нам претензий, собственно, повторил на камеру все твои слова из обвинительного акта и заключительной речи. Тебе стоит с него слупить тантьемы. Возможно, не будет апелляции. Пещох – исключительная гнида, и на месте его адвоката я бы опасалась, что после апелляции ему еще пару лет добавят.

Эва была права. Пещох совершил умышленное убийство жены из-за ничем не обоснованной ненависти. Это было грязное домашнее убийство из разряда тех, которыми не интересуется даже желтая пресса. Запущенная студия, супружеская пара безработных, плач, вопли и скандалы, удары головой об угол шкафа вместо обычного мордобоя. В течение четверти часа. Даже патологоанатом был потрясен. И это, по мнению защиты, – «побои со смертельным исходом». Господи милосердный! Шацкий предпочел бы подметать улицы, чем наняться попугаем в уголовных делах.

– Спасибо, Эвуня. Будет тебе кофе.

– Принесешь мне в постель?

Он придушил в себе улыбку.

– Кончаем разговор. Па.

Ярчик блуждала взглядом по его кабинету. В нем не было ничего интересного, кроме вида на серое здание Министерства сельского хозяйства за окном. Над столом Али висели смешные детские рисунки, у стола Шацкого – только календарь с видом Татр и афоризм Штаундинера³³ в рамочке: «Откуда ветер ни примчится, всегда в нем запах Татр таится».

³³ Ян Исидор Штаундигер (1904–1970) – польский поэт, автор нескольких тысяч стихотворных афоризмов (так называемых «фрашек»).

– Как вы думаете, кто из вашей группы его убил? – спросил он.

Вопрос застал врасплох.

– Не знаю. Понятия не имею. Я только обнаружила тело.

– Понимаю. Но если бы потребовалось назвать одного человека, кто это был бы? Доверьтесь вашей интуиции. Я спрашиваю просто так, наверняка мой вопрос не будет иметь последствий. Вы ведь наблюдали за этими людьми в течение двух дней почти без перерыва.

Барбара Ярчик поправила очки. Она сидела неподвижно, глядя не на Шацкого, а на стену за его спиной. Затем, не поворачивая головы, сказала:

– Во время сеанса пан Эuzeбиуш играл роль сына пана Хенрика. И этот сын, по крайней мере в исполнении пана Эuzeбиуша, был ужасно грустный, а еще было видно, как сильно обижает его отец. И я подумала: может, это он – из мести отцу, вы ведь понимаете. Что тот не знал любви и все такое.

Только теперь она взглянула на Шацкого, который ничегошеньки не понял из сказанного. Взрослый мужчина убил другого мужчину, потому что во время терапии изображал его сына, который страдал из-за нехватки отцовской любви? Что за чушь.

– Понимаю, – сказал он. – Большое вам спасибо.

Женщина внимательно прочла протокол, прежде чем его подписать. Несколько раз поморщилась, но ничего не сказала. Они попрощались, и Шацкий предупредил, что наверняка будут новые вызовы, один или несколько. Ярчик стояла у дверей, когда ему в голову пришел еще один вопрос.

– Что вы почувствовали, когда его нашли?

– Сначала я была поражена, ужасный вид. А когда успокоилась, почувствовала некоторое облегчение.

– Облегчение?

– Прошу правильно меня понять. Пан Хенрик много рассказывал о себе и своей нынешней семье, а я... – она нервно сплела пальцы, ища подходящие слова, – я никогда не встречала такого несчастного человека. И мне подумалось, что, вероятно, кто-то оказал ему услугу, потому что, пожалуй, нет мира, в котором пану Хенрику было бы хуже, чем здесь.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ.

Эuzeбиуш Каим, родился 14 июля 1965 года, проживает в Варшаве, на ул. Мехоффера. Образование среднее, директор отдела в фирме HQ Marketing Польша.

По мнению Олега, богатый, нахальный и черт знает зачем участвующий в терапии. Мнение Шацкого было такое же. Выглаженный костюмчик прокурора рядом с его одеждой выглядел как тряпка, выкопанная из индийского секонд-хенда. Шацкий сумел это оценить, почувствовав укол зависти, когда Каим сел напротив. Сам он никогда не сможет обзавестись подобным гардеробом.

Каим не только прекрасно выглядел в дорогой одежде. Еще он был мускулистым и загорелым, как если бы последние три недели только и делал, что бегал на пляже и играл в теннис на Крите. Хотя у Шацкого был плоский живот и он регулярно посещал бассейн, рядом с Каимом чувствовал себя бледным и худым, как червяк из семейства *nicieni*. Прокурорское эго слегка поддерживала мысль, что он – представитель власти, а этот пижон может оказаться убийцей.

Красивым мужским голосом, деловито и конкретно, без экзальтации и не избегая подробностей, Каим дал показания. Сцену у трупа он запомнил такой же, как и Ярчик, но Шацкого интересовало кое-что другое.

– Каким человеком, по вашему мнению, был Хенрик Теляк? – спросил он.

– Несчастливым, – ответил Каим, не колеблясь ни минуты. – Очень несчастным. Понимаю, не у каждого в жизни все складывается, как надо, но он был исключительным неудачником. Вы, наверное, знаете, что его дочь совершила самоубийство.

Шацкий подтвердил.

– А вы знаете, что у его сына большое сердце? Этого Шацкий не знал.

– Об этом стало известно через полгода после похорон Каси, его дочери. Ужасно. Даже теперь меня дрожь берет, когда я об этом думаю. У меня самого сын в том же возрасте, и я едва не теряю сознание, представляя себе, что мы хотим получить результаты очередных анализов, а врач говорит, что результаты странные, и нужно их повторить. А потом... вы сами знаете.

– А как, собственно, выглядит психодрама, в которой вы играли роль сына Теляка?

– Трудно назвать это психодрамой, скорее нечто более глубокое и необъяснимое. Магия. Пан Чарек ³⁴наверняка объяснит вам теорию, я не сумею. Я впервые участвовал в расстановке, и, – он искал подходящее определение, – это опыт на границе потери сознания. Когда пан Теляк расставил нас, я сразу почувствовал себя плохо. Очень плохо. И чем больше я там стоял, тем хуже мне становилось и тем менее я чувствовал себя собой. О'кей, вы уже глядите на меня, как на ненормального, но я закончу. Я не только притворялся, что я – Бартек, а на самом деле им становился. Прошу не спрашивать, как такое возможно.

Шацкий подумал, что если их всех отправить на экспертизу, государству процедура обойдется в целое состояние.

– А до этого вы сами были героем расстановки, – напомнил он.

– Согласен, но я не переживал так сильно. Это было очень сильное переживание, когда я увидел, почему мое супружество пошло прахом. Но ведь это собственные эмоции. Вам понятно? Даже если они скрыты очень глубоко и вытеснены другими, все равно мои. А позже, с Бартеком и паном Хенриком.

Они были ужасными, словно бульдозером сгребали мое самосознание. Хочу забыть об этом, и как можно быстрее.

– А вы давно развелись?

– Нет, недавно, год назад. Не столько развелись, сколько расстались. Мы не ходили в суд. А теперь, может, нам удастся сложить все это в сучку.

– Простите?

– Что простите?

– Вы сказали «сложить все это в сучку».

– А, я имел в виду, конечно, складывание в кучку. Прошу не обращать внимание на мои оговорки. У меня не хватает какого-то соединения в мозгу, я с детства путаю идиомы и фразеологические обороты. Никто не может объяснить, почему так происходит.

Псих, подумал Шацкий. Он производит хорошее впечатление, но псих.

– Конечно, я понимаю. А во время терапии, играя роль сына пана Хенрика, вы испытывали ненависть к своему – скажем так – отцу?

– Простите, к чему вы клоните?

– Прошу ответить на вопрос.

Каим молчал, вертя в руках мобильный телефон. Наверное, очень дорогой – один экран был больше всего телефона Шацкого.

– Да, я чувствовал ненависть. В первую минуту хотел вам возразить, но это не имело бы смысла. Вы наверняка увидите видеозапись и сами догадаетесь.

Шацкий записал: «терапия – видео?»

– А теперь о чем вы меня спросите? Не хотел ли я его убить? Не убил ли я его?

– А вы убили?

³⁴ Чарек — уменьшительное от Цезарий.

– Нет.
– А хотели?
– Нет. На самом деле, нет.
– А как вы думаете, кто его убил?
– Откуда мне знать, в газетах пишут, что вор.
– А если бы это был кто-нибудь из вас? – продолжал бить в одну точку Шацкий.
– Пани Ханя, – без колебания ответил Каим.
– Почему?
– Это просто. Она была его «дочерью», совершившей самоубийство в возрасте пятнадцати лет. Убежден, все от того, что отец насиловал ее в детстве. Этого не было видно на терапии, но в газетах постоянно пишут подобное. Ханя это почувствовала, что-то у нее в голове переставилось, и она его убила...

Когда Каим вышел, Шацкий широко открыл окно и уселся на подоконнике, чтобы закурить вторую сигарету. Близился четвертый час, на Кручей уже скопилась пробка из машин, едущих в сторону Иерусалимских аллей. Еще высокое солнце пробралось, наконец, сквозь тучи и разогрело влажные тротуары; в воздухе носился сладковатый запах мокрой пыли. Идеальная погода для прогулки с девушкой, подумал Шацкий. Усесться возле фонтана в Саксонском саду, положить голову ей на колени и рассказать о книгах, прочитанных в детстве. Он не мог вспомнить, когда они с Вероникой в последний раз ходили просто так гулять. Не помнил, когда рассказывал кому-нибудь о книжках своего детства. Мало того, он не помнил, когда в последний раз прочитал что-нибудь, озаглавленное иначе, чем «Текущие дела прокурора». Все чаще он чувствовал себя пустым и выгоревшим. Не пора ли уже?..

Может, позвонить какому-нибудь терапевту, подумал он и громко рассмеялся.

Конечно, и обязательно! Он уселся за стол и набрал номер Рудского. Трубку долго не снимали. Он хотел уже положить свою, когда услышал щелчок.

– Да, – голос, казалось, доносился с Камчатки.

Шацкий представился и потребовал, чтобы Рудский пришел к нему как можно скорее. После сегодняшних допросов становилось ясно, что личность врача и странная терапия могут оказаться ключом к этому делу. Рудский извинился, сказав, что с утра лежит с высокой температурой. «Отдаю себе отчет, – сказал он, – что это звучит как идиотская отговорка, но я на самом деле не могу прийти. Зато охотно приму пана прокурора у себя».

Шацкий задумался. С одной стороны, он предпочел бы беседовать на своей территории, с другой – встреча с терапевтом была важна. Он согласился. Записал адрес на Охоте ³⁵ и обещал приехать через час.

Положил трубку и выругался. Он ведь обещал Веронике прийти к пяти часам и остаться с малышкой: жена собиралась на матч. Он мог бы, конечно, объяснить ей, и она, вероятно, даже поняла бы, но... Вот именно, «но». Он позвонил еще раз Рудскому и перенес визит на девять утра следующего дня. Врач обрадовался, пообещав сделать все возможное, чтобы к тому времени встать на ноги и быть в полном разуме.

Шацкому показалась странной данная формулировка. В конце концов, грипп – не шизофрения.

³⁵ *Охота* — район в центральной части левобережной Варшавы.

5

Хеля прыгала от восторга. Она уже три раза обыграла отца в «китайца»³⁶ (один раз, когда она закончила, у него все фишки были на месте). Теперь все указывало на то, что она выиграет и в лотерею. У нее было на две пары больше, а на полу лежало с десяток карт для раздачи. Пять пар. И ее ход. Если она не ошибется, вечер будет принадлежать ей. Она открыла карту – сосна в снегу. Уверенным жестом открыла следующую – сосна в снегу. Ничего не сказав, она посмотрела на отца победоносным взглядом. Положила карты на свою стопку и тщательно подсчитала разницу.

– У меня на три больше, – заявила она.

– Еще не конец, – заметил Шацкий. – Давай.

Девочка быстро открыла карту. Птичка. Она сморщила лоб. Потянулась к карте, лежащей рядом, и заколебалась. Вопросительно взглянула на отца. Шацкий знал, что там птичка, но лишь пожал плечами. Сегодня без подсказок. Хеля передумала и открыла другую карту – барсука.

– О нет, – простонала она.

– О да, – ответил Шацкий и забрал обеих птичек. Оставалось еще три пары, а у него не доставало всего двух. Он знал, какие карты остались. Показал дочке язык и открыл того же барсука, что она минуту назад.

Хелька закрыла лицо руками.

– Я не хочу на это смотреть, – заявила она.

Шацкий притворился, что задумался.

– А где тот второй барсук? Мы вообще его открывали?

Хеля покивала, глядя на отца сквозь слегка раздвинутые пальцы. Шацкий остановил руку над картой с барсуком. Дочка закрыла глаза. Он в душе засмеялся, передвинул руку и открыл карту с малиной.

– О нет, – простонал он.

– О да! – крикнула Хеля, быстро собрала оставшиеся три пары и бросилась ему на шею. – Ну, скажи, кто у нас королева лотереи?

– Я – король лотереи! – заявил бессовестный Шацкий.

– Вот и нет!

– Вот и да. Сегодня случайно проиграл.

– Вот и нет!

Хлопнула дверь. Вероника вернулась.

– Мама, знаешь, сколько раз я выиграла у папы в «китайца»?

– Нет.

– Три раза! И один раз в лотерею.

– Чудесно, может, тебе стоит поиграть в футбол за «Легию» Варшавы?

Шацкий собрал лотерею в коробку, встал с пола и направился в прихожую. Жена швырнула трехцветный шарф на вешалку. Одета она была, как положено на матч: тонкий гольф, ветровка, джинсы, высокие кроссовки. Линзы вместо очков. Стадион на Лазенковской был неподходящим местом для демонстрации женских прелестей.

– Неужели выиграли?

– Ничья, но почти выиграли. Влодарчик упустил три стопроцентных момента, даже я бы забила. Последние двадцать минут играли вдесятером, потому что кретин Новацкий получил

³⁶ «Китаец» — польское название старинной немецкой планшетной игры «Mensch, argere Dich nicht» («Парень, не сердись»).

две желтые. Сначала – за фол, потом – за бессмысленную симуляцию. Идиот! Но мы вели весь матч...

– А кто забил?

– Карван, головой, с подачи Влодарчика. «Гоцлин» сравнял счет за пару минут до конца.

Стыдоба, что и говорить.

– Когда ответный матч?

– Пятнадцатого.

– Поедешь?

– Не знаю. Не хочу слушать, как стадион сельских придурков орет: «Легла, легла уже Варшава».

Шацкий кивнул с пониманием и отправился на кухню готовить ужин. Вероника пришла к нему покурить. Делая бутерброды, он рассказывал ей о деле Теляка и сегодняшних допросах.

– Любопытно, Бабинич мне как-то говорил о подобной терапии. Я помню, мне это показалось сектой.

– Простите, в нашем доме снова появился маэстро Бабинич, – вмешался Шацкий, не поднимая головы от доски, где резал помидоры для салата с фетой и зернами подсолнечника.

– Тео, умоляю, не будь занудой. Я ведь не спрашиваю, кто из стажеров готовит тебе кофе.

– Я сам себе готовлю.

– Можно подумать, мы с тобой вчера познакомились. Нет?

Он пожал плечами. Ему не хотелось ссориться.

Когда-то это были просто шутки. Потом в шутках стала проявляться ревность. Теперь подобные разговоры быстро переходили в агрессивное раздражение с обеих сторон.

Он приготовил салат, положил себе, загнал дочку в ванную и сел за компьютер. Нужно отключиться на время от мира, то есть поиграть. Он гордился тем, что прошел все стадии эволюции в этой области, от ZX Spectrum и Atari с играми, вводимыми с магнитной ленты, через C64 и Amiga с дискетками, до первых PC с черно-белым зеленоватым монитором и, наконец, современных машин, которые в миллионах оттенков цвета и реальном времени рисовали на экране PG-альтернативные миры. Он был уверен, что более совершенные игры с более интересными фабулами вскоре станут элементом культуры, наряду с романами Дэна Брауна и фильмами Спилберга. Правда, мир игр еще не дождался своего «Имени розы» или «Амадея», но это вопрос времени. Обычно он погружался в игры с приключениями и тактические игры действия, но сегодня захотелось стать «единственным справедливым» на тропическом острове, где очень злой доктор проводил генетические эксперименты, пользуясь охраной очень злых наемников. Если бы участники судебных процессов могли догадаться, чем занимается вечерами высокомерный, седой – несмотря на свои тридцать шесть лет, – безукоризненно одетый прокурор! Ему хотелось смеяться всякий раз, когда он включал компьютер.

– Ты, кажется, собираешься поиграть?

– Полчаса, – ответил он, сердясь на себя за то, что приходится оправдываться.

– Я думала, мы с тобой поговорим...

Конечно, он почувствовал себя виноватым.

– Поговорим через полчаса. Ты же еще не будешь спать.

– Не знаю, я устала. Может, лягу пораньше.

– Я, правда, скоро закончу. Только дойду до сейва, – ответил он автоматически, уже сосредоточившись на снайпере, который притаился на мостике разбитого японского авианосца.

– Вот тебе пуля с твоим именем! – загремело из динамиков, и сразу после этого один из наемников распорол воздух серией автоматных очередей. Он спрятался за металлический пролет авианосца, но все же оказался ранен. Черт побери!

– Прости, ты не мог бы надеть наушники? – холодно спросила Вероника.

Он достал их из коробки.

– Я тебя снова продырявлю! – с ненавистью прохрипели динамики, прежде чем он успел вставить в гнездо штекер.

Раздел третий

Вторник, 7 июня 2005 года

70 процентов поляков считают, что жизненный путь и учение Папы изменило их жизнь. Иоанна Павла II критически оценивает ноль процентов. Александр Квасъневский призвал Влодзимежа Цимошевича изменить свое мнение и стартовать в президентских выборах. Физик из УАМ³⁷ выступил с теорией, что время от времени на Земле должен появляться супермонстр, настоящая машина для убийств, чтобы наводить порядок на планете. Группа Green Day дала концерт в Сподке. В Варшаве столкнулись три трамвая перед Национальным музеем, 13 человек попали в больницу. Музей техники во Дворце культуры и науки получил подарок от Овсяка – дефибриллятор, чтобы спасать посетителей. Все больше людей выступает против запрета Парада равенства, а его организаторы обещают митинги, разрешения на проведение которых не требуется. Максимальная температура в столице – 15 градусов, но солнечно и без дождя.

1

Быть психотерапевтом – наверняка прибыльное занятие, подумал Теодор Шацкий, паркуясь перед новеньким пентхаусом на Равиньского. Он посидел еще минутку в автомобиле, чтобы дослушать Origin of the Species с последнего диска группы U2³⁸. Великолепная вещь и великолепный альбом – господа из Дублина в конце концов вернулись к своим роковым корням. Когда он представился портье в облицованной мрамором и гранитом портьерне, а затем прошел через ухоженное патио с фонтаном и площадкой для детских игр, подумал, что быть терапевтом – чертовски прибыльное занятие. А когда вошел в квартиру на двенадцатом этаже, – что все отдал бы за то, чтобы снова оказаться у порога карьеры, и тогда без сомнений выбрал бы психологию.

Рудский фактически производил впечатление больного, а его возраст усиливал впечатление. Шестидесятилетний мужчина может выглядеть прекрасно, но только если прикладывает усилия. В воскресенье на Лазенковской Рудский выглядел превосходно – нечто среднее между Хемингуэем и Шоном Коннери. Нынче, с жирными редкими волосами, кругами под глазами, тщательно обернутый шлафроком, он превратился в больного старика.

Квартира, вероятно, была большая – под 100 метров, но Шацкий мог только догадываться об этом. Как и о расположении комнат в ее приватной части. Рудский провел его в салон, и на этот раз прокурор не смог сдержать эмоций. Квадратное помещение, соединенное с кухней, имело площадь около сорока метров (в его собственной квартире – пятьдесят два), а стены, выходившие на север и запад, были полностью остеклены, целиком состояли из окон. Вид сногсшибательный. На западе, правда, виднелось немного – крыши Охоты, мерзкий купол Blue City, Щенсливецкая горка. Зато на севере пышно блистал варшавский Манхэттен. Отсюда все высотки центральной части казались стоящими рядом. Старые – Форум, Мариотт i Intraco II, новые – Intercontinental, Золотые террасы, Рондо-1, здание Daewoo и, конечно, Дворец, ярко контрастировавший с окружающим морем стекол. Вид абсолютно варшавский, превосходящий даже панораму левого берега с Гданьского моста. Шацкий подумал, что стоит найти предлог, чтобы еще раз приехать к Рудскому в сумерках. Может, обыск?

³⁷ УАМ — Университет им. Адама Мицкевича в Познани.

³⁸ U2 — популярная ирландская рок-группа, основанная в 1976 году. Название произносится как «ю ту» («ты тоже»).

– Впечатляет, не так ли? – прохрипел Рудский, подавая Шацкому чашку кофе. – Вам нужно приехать ко мне как-нибудь вечером. Иногда ночью я часами стою у окна, и никогда не скучаю.

Шацкий взял себя в руки.

– Действительно, может понравиться, – прокомментировал он равнодушно.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ.

Цезарий Рудский, родился 2 августа 1944 года, проживает на ул. Равиньского. Образование высшее, руководит частной психологической консультацией. Отношение к сторонам: чужие, за дачу ложных показаний не наказывался.

Предупрежден об ответственности по ст. 233 УК, дал следующие показания:

С Хенриком Теляком познакомился случайно в ноябре прошлого года. Я готовил терапевтическую конференцию и искал фирму, которая могла бы напечатать приглашения и буклеты. Вышел на «Польграфэкс», директором либо вице-директором которой был Хенрик Теляк. С ним я в тот раз не контактировал, только с одним из продавцов. Неделью спустя хотел получить заказ, но он еще не был готов. Я потребовал встречи с директором и так познакомился с Хенриком Теляком. Он был очень милым, заверил, что доставит материалы курьером в тот же день, причем за свой счет, извинился и пригласил меня на кофе. За кофе стал расспрашивать о работе, заинтересовавшись содержанием моих приглашений и буклетов. Я рассказал ему о работе терапевта. Что стараюсь помогать людям и часто встречаю тех, кто утратил смысл жизни. Тогда он мне рассказал о самоубийстве дочери и болезни сына, признался, что не может с этим жить. Я спросил, не хочет ли он со мной встретиться. Он сказал, что не уверен, но через неделю позвонил, и мы договорились о встрече. Встречались раз в неделю, по четвергам, здесь, в моей квартире. Я не записывал эти сеансы, только делал заметки. Пан Теляк отмалчивался, часто плакал. У него была тяжелая жизнь.

Он убежал из дома в шестнадцать лет, вскоре родители погибли в автокатастрофе. Он не успел с ними попрощаться, не знал даже об их похоронах. С того времени чувствовал себя очень виноватым, и чувство вины отразилось на его будущей жизни. Женитьба на Ядвиге Теляк – которую он, по моему мнению, очень любил, как и детей, – не была удачной, о чем Теляк говорил с печалью и стыдом. Во время терапии мы сосредоточились на семье, из которой он происходил, чтобы он мог выйти из тени покойных родителей. Я считал это основой оздоровления отношений в его нынешней семье. Мне казалось, терапия даст эффект, расстановка в прошлые выходные должна была расставить точкой над «i». Собственно, эту расстановку я готовил, прежде всего, для Хенрика Теляка. Остальные участники, которых я выбрал из своих пациентов, были в лучшем состоянии. У них относительно мягкая форма невроза.

На вопрос следователя, не упоминал ли Хенрик Теляк во время терапии своих врагов или людей, которым он несимпатичен, свидетель ответил: «Хенрик Теляк казался человеком настолько сломленным и замкнутым, что для окружения он был, пожалуй, незаметным. Мне ничего не известно о его врагах. Не думаю, чтобы они у него были».

Шацкий записывал, внимательно наблюдая за Рудским. Терапевт говорил тихо, спокойно, уверенно. Его голос вызывал доверие, наверняка он мог легко вводить пациента в гипнотическое состояние. Шацкий задумался: а мог бы он сам довериться Рудскому? Рассказать ему, как у него болит желудок, когда он возвращается домой. Как ему приходится выпивать перед сном два пива, чтобы заснуть без проблем. Как мучительно для него похолодание в отношениях с Вероникой. Как насыщена претензиями и разочарованием атмосфера, нависшая над мебелью из ИКЕА в их квартире, в блочном доме на Бурдзиньского. Как временами он задумывается, что связывает его с женой, кроме ребенка и счета в банке. И о том, как иногда он останавливается перед цветочным магазином – он хотел бы купить ей цветы и знает, что она

была бы довольна, но не делает этого, каждый раз находя отговорку. Либо уже поздно и ему кажется, что цветы потеряли вид. Либо думает, что стыдно приносить жене цветы, купленные в пражском магазине – они всегда выглядят так, будто их не продали в Центре два дня назад. Или что ему жаль тратить мелочь, потому что еще нужно купить еду. Правда, в пятидесяти метрах есть банкомат, но роза стоит всего пять злотых. Иногда думает даже: зачем вообще покупать ей цветы? В конце концов, когда она мне в последний раз что-то дарила? Пластинку или книгу, хотя бы СМС с иным содержанием, нежели «булка в нарезке и сигареты». Поэтому он удаляется от цветочного магазина, злой на себя и пристыженный, по пути заходит за сраной булкой в нарезке, которую покупает через день уже восемь лет в одном и том же магазине, у одной продавщицы. Забавно, что он замечает, как она стареет, а о себе думает, что выглядит точно так же, как когда впервые совершил там покупки. Это было в июле.

Шацкий надел спортивный костюм, и тот весь покрылся пылью от перевозки. Он радовался квартире и тому, что через минуту вместе с прекраснейшей женщиной на земле съест булочку и запьет ее кефиром. Радовался, что продавщица милая. У него тогда были длинные темные волосы, заплетенные в косичку, а не молочно-белый ежик, который делал его похожим на сержанта пехоты из американских военных фильмов.

Цезарий Рудский вежливо, но решительно отказался отвечать на вопросы о терапии Квятковской, Ярчик и Каима. Шацкий не настаивал: ему нужно было предъявить кому-то из них обвинение, чтобы с помощью суда заставить Рудского выдать документацию. Терапевт описывал лишь тот день, когда было найдено тело, и Шацкий с грустью констатировал, что ни одна из допрошенных особ, похоже, не являлась убийцей. Их показания были логичными, производили впечатление искренних, в них угадывалось сожаление по поводу смерти Теляка, со значительной долей симпатии к нему. Кроме того, он не представлял себе мотив убийства Теляка для любого из допрошенных.

Так думал прокурор Теодор Шацкий во вторник, 7 июня, в 10.30 утра. А двумя часами позднее он был убежден, что убийцу надо искать именно среди троицы пациентов Рудского.

– Мне немного странно, что со мной говорите вы, а не полиция, – внезапно сказал терапевт.

– Прошу не верить телевизионным сериалам. В Польше следствие по важным делам ведет прокурор. Полиция только помогает – как ей кажется, а сама гоняется за угонщиками автомобилей и взломщиками.

– Вы не преувеличиваете?

– Немного, – усмехнулся Шацкий.

– Наверное, вы чувствуете, что вас недооценивают.

– Я бы предпочел говорить о фактах, а не о чувствах.

– Это всегда проще. Что еще вы хотели бы узнать?

– Хотел бы узнать, что случилось в субботний вечер. И что такое «терапия расстановок».

И почему у ваших пациентов дрожит голос, когда они о ней говорят.

– В таком случае нам придется говорить о чувствах.

– Я это как-нибудь вынесу.

Терапевт встал, подошел к книжному шкафу и стал рыться в черной папке.

– Я не в состоянии объяснить вам, – сказал он. – К сожалению, это невозможно. Абсолютно невыполнимо.

Шацкий прикусил губу. Что за козел. Как только дошли до сути, начал выкручиваться.

– А вы попробуйте. Может, удастся.

– Ничего не выйдет. Об этом не расскажешь, – Рудский повернулся к Шацкому с извиняющейся улыбкой. У того внутри все кипело от злости. – Но я могу вам это показать. – В руке он держал небольшую видеокамеру.

Зал на Лазенковской. Видны сидящие рядом Теляк, Каим, Квятковская и Ярчик. В кадре появляется Рудский.

Рудский: – Пан Хенрик, просим вас.

Теляк встает, нервно улыбается. И тут Шацкого охватила дрожь. Теляк был в том же костюме, в котором его нашли мертвым. Шацкий не мог отделаться от впечатления, что сейчас тот ляжет на пол, а один из участников встанет и вонзит вертел ему в глаз. И на щеке появится пятно в форме гоночного автомобиля.

Теляк: – А может, кто-нибудь другой?

Рудский: – Мы бросали жребий. Но если вы не готовы, скажите.

Долгая тишина.

Теляк: – Хорошо, я попробую.

Рудский: – О'кей. Сначала расставим семью, из которой вы происходите. Пани Бася будет вашей матерью, пан Эuzeбиуш – отцом. Прошу их расставить.

Теляк берет за руку Ярчик и ведет ее в дальний угол помещения. Показывает место у стены, стоит лицом к ней. Потом рядом ставит Каима, тоже лицом к стене. Сам он остановился посреди комнаты, глядит им в спину.

Рудский: – Уже?

Теляк: – Да.

Рудский: – Пани Барбара, прошу сказать, что вы чувствуете.

Ярчик: – Мне грустно, я хотела бы увидеть своего сына. Я тоскую по нему.

Рудский: – Пан Каим?

Каим: – Мне нехорошо. Я чувствую его взгляд, вбитый в мою спину. Я бы хотел повернуться. Или уйти. Я чувствую, как что-то сдавливает мою шею, как если бы кто-нибудь надел на меня ошейник.

Ярчик: – У меня такое же чувство. Или как если бы кто-то поставил меня в угол, чтобы наказать. Мне плохо. Я чувствую себя виноватой.

Теляк: – Я хотел бы к ним подойти.

Каим: – Я могу повернуться?

Рудский: – Еще нет. (*Теляку*) Прошу подойти к своим родителям и стать за ними.

Теляк стал за спиной Каима и Ярчик.

Рудский (*Теляку*): – А как теперь?

Теляк: – Лучше, значительно лучше. Теперь так, как я хотел.

Каим (*с трудом*): — А вот для меня невыносимо. Передо мной – стена, за спиной – мой сын. Я не знаю, зачем он пришел, но не хочу, чтобы он находился здесь. Господи, я едва держусь на ногах. Меня что-то душит. Прошу разрешить мне уйти или забрать его отсюда.

Рудский: – Еще минутка.

Терапевт остановил запись. На экране застыла фигура Теляка, стоящего за спиной своих «родителей». Шацкий смотрел на него с удивлением.

– Что это за театр? – спросил он. – Вы заранее расписали роли, как им себя вести?

Рудский отрицательно покачал головой.

– Мало того. Они почти ничего не знают о пане Хенрике. Не знают, что он убежал из дому, не знают, что его родители трагически погибли и что Хенрик не успел с ними попрощаться. Ничего. Как видите, по существу терапия очень проста, если сравнить ее, например, с психоанализом, причем – по моему мнению – часто бесполезным.

Шацкий прервал его жестом руки.

– Умоляю, все по порядку, – сказал он.

– Хорошо, по порядку. Вы соглашаетесь на лечение методом расстановок, потому что вам тяжело, трудно, плохо. Вы сами не знаете, почему. Вы мне рассказываете немного о себе:

родители, братья с сестрами, жена, дети, первая жена, первая жена отца и так далее. Важны все члены вашей семьи. Как живые, так и умершие. И расставляете их в пространстве. Каждого берете за руку, ведете в определенное место и указываете направление, куда он или она должны смотреть. Вы, наверное, удивитесь, но часто уже в этот момент люди замечают, что что-то не в порядке. И почему им плохо. Например, оттого, что жена стоит в месте, где должна стоять мать. Или потому, что ребенок отделяет вас от жены. Одним словом, потому, что порядок нарушен. Достаточно расставить людей правильно, и пациент выйдет с сеанса терапии другим человеком. Через пять минут.

– А почему Каим утверждает, что ему душно и что он потеряет сознание?

– Потому что участники чувствуют эмоции людей, которых представляют.

– Но родители Теляка умерли много лет назад.

– Умерших – тоже.

– Ясно. А в конце нужно станцевать голым у костра в деревянной маске...

Рудский замолчал, явно обиженный шуткой прокурора. Шацкий заметил это и извинился.

– Я вас, в общем, понимаю. Поначалу я сам был настроен скептически, – простил его Рудский. – Мне казалось, пациент каким-то образом передает участникам свои эмоции, как бы программирует их. Но часто в ходе расстановок на свет выходят семейные тайны, о которых пациент не имел понятия.

– Например?

– Например, Берт Хеллингер, создатель этого метода, когда-то взял на расстановку больного аутизмом тридцатипятилетнего шведа. Мужчина упорно глядел на свои руки, что обычно означает...

– Убийство.

– Откуда вы знаете?

– Леди Макбет.

– Вот именно. Глядеть в землю означает могилу, кого-то умершего, а рассматривать руки или умыть их – убийство. Такие жесты появляются у людей с аутизмом и заик. У этих заболеваний много общих черт, и одна из них – тот факт, что во время расстановки выясняется: источник заболевания лежит в убийстве. Но вернемся к шведу. Хеллингер знал из беседы с семьей, что у бабушки шведа был роман с моряком и что этот моряк ее убил. В связи с этим Хеллингер ввел в расстановку бабушку и дедушку. И представляющий дедушку участник начал таким же образом глядеть на свои руки. Какой из этого вывод?

– Что убийцей был он, а не моряк.

– Вот именно. Вышло на свет то, о чем не имели понятия даже члены семьи. Дед умер много лет назад, но совершенное им преступление и ужасная вина, оставшаяся нераскаянной, стала причиной аутизма у внука.

У Шацкого заболела голова. Ему придется купить себе какую-нибудь книгу, чтобы все это понять. А еще найти эксперта, чтобы тот высказался по поводу кассеты.

– Понимаю, – сказал он, потирая руки, – но это был экстремальный случай. А о чем идет речь здесь? – спросил он, показывая на экран.

– Уход из семьи понимается в системе как тяжкое преступление, – объяснял Рудский. – Хенрик поэтому чувствовал себя чрезвычайно виноватым. Он также чувствовал вину за то, что не простился с родителями. А если есть чувство вины, нет траура. Чувство вины крепко связывает нас с умершим, поэтому мы не позволяем ему уйти. Вам знакомы фазы траура?

Шацкий с минуту порылся в памяти.

– Неверие, отчаяние, упорядочивание, привыкание?

Терапевт посмотрел на него с изумлением.

– Все правильно. Но в действительности многие задерживаются на второй фазе – отчаянии, которого никто не понимает и которое перерастает в одиночество. И этот незавершенный траур остается в семье, приводя к тому, что каждое следующее поколение будет связано со смертью. Поглядите, что сейчас происходит. Хенрик хочет пойти за своими родителями, а они этого не хотят. Их место – в мире мертвых, его – в мире живых. Смотрите дальше, прошу вас.

Рудский (*Теляку*): — Я понимаю, что вы хотите встать сюда, но это неподходящее для вас место. Прошу вернуться в центр зала.

Теляк возвращается.

Каим: – Какое облегчение...

Теляк: – Теперь прошу повернуться ко мне лицом.

Каим и Ярчик оборачиваются.

Ярчик: – Гораздо лучше. Я рада, что вижу своего сына.

Каим: – Я тоже.

Рудский (*Теляку*): — А вы?

Теляк: – Я рад, что они на меня смотрят, что они со мной. Но я хотел бы пойти к ним.

Рудский: – Это невозможно. Мы сделаем иначе.

Рудский подходит к Каиму и Ярчик, подводит их к Теляку и ставит чуть сбоку, за его спиной.

Каим: – Вот так превосходно. Я вижу сына, но не мешаю ему. Не стою на его пути.

Ярчик: – Я чувствую тепло в сердце. Хотела бы прижать его к груди. Сказать, что я люблю его и желаю ему всего наилучшего.

Рудский: – Минуточку. (*Теляку*) Вам тоже лучше? Теляк: – Мне легче, но все же чего-то не хватает. Рудский: – Разрешения, но это мы сделаем позже.

– Какого разрешения? – спросил Шацкий, и терапевт остановил запись. – Я и раньше задумывался, к чему это приведет. На чем основано очищение?

Вместо ответа Рудский разразился мокрым кашлем и выбежал в ванную, откуда долго доносились звуки отхаркивания и сплевывания. Вернулся он с красным лицом.

– Похоже, у меня ангина, – прохрипел он. – Хотите чаю?

Шацкий согласился. Никто не прерывал молчания, пока они вновь не уселись рядом с кружками горячего чая. Рудский наложил себе меду и выжал сок из целого лимона.

– Лучшее средство для горла, – заявил он, делая глоток. – А разрешение основывается на использовании так называемых разрешающих слов, которые терапевт велит произнести пациенту и участникам, представляющим его семью. В данном случае я думаю, что родители Хенрика сказали бы так: «Сын мой, мы уходим, а ты остаешься. Мы любим тебя и счастливы, что ты тут, с нами». А Хенрик ответил бы: «Я позволяю вам уйти. Я остаюсь. Будьте дружны со мной». Что-нибудь в этом роде. Сложно угадать точно, обычно разрешающие слова появляются у меня в голове, когда приходит подходящий момент.

– А тот не был подходящим?

– Нет. Я хотел оставить его на конец. Еще есть вопросы?

Вопросов не было.

Рудский: – Хорошо. Теперь заменим родителей пана Хенрика стульями (*отводит Ярчик и Каима в сторону, на их места ставит два стула*), а пан Хенрик расставит свою нынешнюю семью. Пани Барбара будет вашей женой, пан Каим – сыном, пани Ханя – дочерью.

Хенрик: – Но моя дочь...

Рудский: – Прошу расставить.

Теляк расставляет семью, затем возвращается на свое место. Теперь это выглядит так: справа и немного позади Теляка стоят два стула – его родители. С левой стороны, на расстоя-

нии нескольких шагов, впереди – Ярчик (жена), глядя на Теляка. За ней стоят рядом Квятковская и Каим. Оба смотрят на стулья. Теляк не глядит ни на кого.

Рудский: – О'кей, значит, так это выглядит. Пан Хенрик?

Теляк: – Чувствую себя мерзко. Виноват. У меня в глазах темнеет. Можно мне сесть?

Рудский: – Конечно. Прошу сесть на пол и отдыхать.

Теляк садится, прикрывает рот руками, тяжело дышит, смотрит в одну точку.

Ярчик: – Я довольна, когда ему плохо.

Рудский: – А дети?

Каим: – Я счастлив, что моя сестра стоит рядом.

Квятковская: – Я бы хотела пойти к бабушке с дедушкой. Я вижу их лучше всего. Отца не вижу вообще, мама его заслоняет.

Каим: – Я тоже хочу к ним. Вместе с сестрой.

Терапевт в очередной раз останавливает запись.

– Вы понимаете, что теперь происходит? – спросил он Шацкого.

– Теляк одинок. Жены нет рядом, она даже детям не позволяет его видеть. Мне жаль его.

– Прошу обратить внимание на то, что говорят дети. Они хотят быть вместе и пойти к бабушке с дедушкой. А что это значит?

– Они хотят умереть.

– Вот именно.

– А почему?

– Из любви. Из любви к отцу. Он нарушил систему, уйдя из дома и не попрощавшись с родителями, не исправил этого – не проявил к ним должного почтения. Принцип такой, что кто-нибудь в системе должен взять на себя его искупление, чаще всего ребенок, который входит в систему как новичок. Прошу понять: то, что осталось не разрешенным, не исчезает само по себе, а входит в систему. Вина и зло остаются, они все время в наличии и всеми ощущаются. Ребенок, входя в систему, берет на себя тяжесть восстановления равновесия, поскольку перенимает вину, страх и злость. Понятно?

– Вроде Люка Скайуокера в «Звездных войнах»?

– Простите, не понял.

– Прошу прощения, глупая шутка. Кажется, я начинаю понимать.

– Ну, так смотрите дальше.

Рудский выводит Квятковскую и Каима из-за спины Ярчик. Теперь все трое стоят рядом, глядя на Теляка.

Ярчик (*трясется, еле выговаривает слова*): – Я не хочу, чтобы мои дети здесь стояли. Не хочу, чтобы они шли к родителям мужа. Мне было легче, когда они стояли за мной.

Квятковская: – Я рада увидеть папу и его родителей. Я их очень люблю. Особенно папу. Я вижу, что ему грустно, и хотела бы ему помочь.

Каим: – Да, я согласен с сестрой, но чувствую слабость. У меня болит сердце, и я страшно дрожу.

Квятковская: – Могу ли я подойти к родителям? Я чувствую почти физически их притяжение.

Рудский: – Хорошо, но только на два шага.

Сияющая Квятковская идет в сторону стульев. Ярчик при виде этого начинает плакать. Каим, бледный как мел, массирует себе грудную кость.

Теперь уже Шацкий взял монитор и остановил запись. На экране застыла гримаса боли Каима и невидящие, буравящие стену глаза Теляка.

– Как возможно, чтобы у Каима болело сердце? – спросил он. – Я понимаю: он знает, что у сына Теляка большое сердце, но все же...

– Трудный вопрос. Существует теория морфогенетических полей, которую используют для объяснения терапии Хеллингера. Согласно ей, то, какими мы являемся, зависит не только от генов, но и от электромагнитных полей.

Хеллингер учит, что наша душа резонирует со всем, что случилось в семье, у нее есть связь и с живыми, и с мертвыми. Во время расстановки посторонний человек может войти в этот резонанс.

– И вы верите в это?

Рудский сделал неопределенный жест, как бы говоря, что готов согласиться с теорией за отсутствием иных.

– Для меня это не имеет значения. Важно, работает или нет. Я не знаю, как устроен компьютер, но польза от него для меня большая.

– А сын Теляка заболел после самоубийства сестры? – спросил Шацкий.

– Да, тогда у Бартека обнаружился порок сердца. Болезнь – всегда признак нарушения порядка. Главная ее динамика – «лучше я, чем ты». Мы решаемся на страдание, чтобы помочь другому члену семьи. Только возвращение к порядку и равновесию позволяет вылечить болезнь.

– У Бартека стало больше шансов на выздоровление после гибели отца?

Рудский закашлялся. Жестом попросив прощения, он вышел на кухню и громко там высморкался.

– Пан прокурор, – сказал он оттуда. – Я бы не раздумывал так долго над ответом, если бы не ваша профессия и не цель вашего визита. Вы меня понимаете?

Шацкий встал, взял свою кружку и попросил дать ему что-нибудь попить.

– И каков же ответ? – он налил в кружку немного негазированной наленчувки³⁹, которую подал хозяин.

– Не знаю. Может, и да. Но только может. А вероятно, его состояние ухудшится. Понимаете, пан Теляк не покинул нас в покое, завершив ранее все свои дела. Я думаю, что состояние Бартека улучшилось бы после завершения расстановки. Изменения происходят в поле, которое после сеанса начинает по-другому резонировать. Поэтому изменения замечаются и у особ, не принимавших участие в расстановке и даже ничего не знающих о ней.

Мужчины вернулись на диван и снова включили запись.

Рудский: – Пан Хенрик, прошу встать.

Теляк встает с видимым усилием. Ярчик плачет все громче.

Рудский (*Квятковской*): — Почему вы хотите пойти к дедушке с бабушкой?

Квятковская: – Хочу помочь папе.

Теляк (*уничтоженный*): — Нет, это невозможно, я не хочу этого слышать.

Каим: – Я очень хочу к сестре и дедушке с бабушкой. Мне больно. Я бы хотел, чтобы не болело. И чтобы папе было легче.

Ярчик: – Это невыносимо. Я хочу, чтобы он отсюда ушел (*показывает на Теляка*). – Я его не люблю, совсем не люблю, он чужой и отвратительный. Хочу, чтобы все успокоилось. Чтобы он ушел. Он, а не дети.

Теляк: – Но ведь я не... (*его голос срывается, он не в состоянии говорить*).

Ярчик: – Я чувствую холод и пустоту. И ненависть. Из-за тебя мой ребенок умер! – (*Отчаянно рыдает*). – Понимаешь?! Моя дочь погибла, а мой сын к ней присоединится. Ты убил моего ребенка!

³⁹ *Наленчука* — минеральная вода из целебного источника в Наленчове (вблизи Люблина).

Квятковская: – Папочка, я сделала это для тебя. Почему ты не хочешь этого понять? Папочка! (*Плачет*).

Теляк опускается на колени. Все время он ни на кого не смотрит.

Теляк (*шепотом*): — Оставьте меня, это не моя вина. Не моя вина.

Каим (*с трудом*): — Не огорчайся, папочка, мы тебе поможем.

Каим подходит к сестре и берет ее за руку.

Квятковская: – Да, папочка, вместе мы тебе поможем.

Делают шаг в направлении стульев.

Ярчик: – Нет!!! Умоляю, нет!!! Вы не можете меня с ним оставить! Вы не можете уйти.

Пожалуйста, не уходите, не оставляйте меня одну. Прошу вас, прошу, прошу...

Каим оборачивается к ней.

Каим: – Не сердись, мама. Мы должны это сделать для папы.

Ярчик теряет сознание. Рудский подбегает к ней, явно испуганный, и встает на колени.

Рудский (*асем*): – О'кей, на сегодня все, закончим завтра утром. Нехорошо, что мы прерываемся, но другого выхода нет. Прошу разойтись по комнатам, не разговаривать, не читать книги. Встретимся за завтраком в девять.

Квятковская и Каим глядят друг на друга, будто вырванные из транса. Разнимают руки и выходят из кадра. Рудский укладывает Ярчик на бок и подходит к камере. На втором плане стоящий на коленях Теляк. Его взгляд направлен в пространство.

На экране замелькал «снег». Терапевт и прокурор посидели еще рядом. После долгого молчания Шацкий встал, подошел к камере и вынул из нее кассету.

– Это ужасно, – произнес он, держа черный кусочек пластика. – Вы не боялись, что он мог покончить с собой?

– Признаюсь, это приходило мне в голову. Но я не боялся.

– Как это?

– Я вам кое-что расскажу. Это известная история, случившаяся не так давно в Лейпциге. Хеллингер проводил расстановку одной женщине, в ходе которой выяснилось, что та холодна, неспособна к любви. Дети ее боялись и хотели уйти к отцу, которого она отвергла. Хеллингер сказал: «Это холодное сердце». Женщина ушла. Другие участники сеанса боялись, что та может покончить с собой, но Хеллингер не пошел за ней.

– И что?

– Она повесилась через несколько дней, а в прощальном письме написала, что больше не в состоянии жить.

– Эффективная терапия, – пробормотал Шацкий.

– Вам кажется, что вы шутите, а на самом деле вы правы. Откуда уверенность, что ранняя смерть – всегда потеря? Что это всегда худший выход? Что нужно любой ценой от нее спастись? Вдруг после жизни возникает нечто большее. В душе каждого из нас существует потребность, чтобы его жизни пришел конец. У некоторых она проявляется раньше. Понимаете вы это?

– Понимаю, но не принимаю.

– Вам нужно быть всемогущим, раз вы хотите стать на пути у смерти. Я же отношусь к ней со смирением. Лишая кого-либо права на смерть, вы не проявляете к нему уважения. Становиться на пути смерти – признак безрассудной уверенности в собственном величии.

Терапевт стоял рядом с Шацким у балконного окна. По Груецкой в сторону центра мчалась, сигналив, машина «скорой помощи». Пронзительный звук нарастал. Рудский закрыл окно, и в комнате установилась полная тишина.

– Видите ли, все происходит от любви, – сказал он. – Кася убила себя, чтобы помочь Теляку и забрать с собой часть его вины. А вы говорите, что любой ценой нужно становиться

на пути смерти. Как можно не уважать такого прекрасного акта любви и самопожертвования? Необходимо принять дар этого ребенка. Иначе после смерти он будет чувствовать себя отвергнутым. Любовь просто существует, не имеет возможности влиять. Она бессильна. И так глубоко – до боли. Глубокая связь и боль принадлежат друг другу.

– Красиво звучит, – возразил Шацкий. – Но и только. Мне трудно поверить, что кто-то совершает самоубийство из-за того, что его отец убежал из дома. Человек отвечает за свои поступки.

– Нельзя не запутаться, говорит Хеллингер.

– Можно быть свободным, говорю я.

Рудский засмеялся. Смех превратился в приступ кашля. Он убежал в ванную, а когда вернулся, вытирая мокрое лицо полотенцем, сказал:

– А вот можно ли быть свободным от еды? В системе никто не бывает свободным.

2

Жутко разболелась голова. Он сел в автомобиль, позволил «Флойдам» тихонько играть «Neу You» и проглотил таблетку ибупрома⁴⁰. Открыл окошко и попытался упорядочить свои мысли. Теперь он понимал, почему никто из участников расстановки не показал на врача во время допросов. Терапевт был наблюдателем, который стоял в безопасном месте и не участвовал в буре чувств, разыгравшейся под крестообразным куполом маленького зала на Лазенковской.

Что случилось ночью с субботы на воскресенье? Он ясно представил себе каждую сцену. Погруженный во мрак зал, желтый свет натриевых фонарей на улице, тени колонн, передвигающиеся по стенам, когда на улице проезжает автомобиль. Хенрик Теляк, стараясь как можно меньше шуметь, выбирается из здания. Он думает, что никто его не видит, но это не так.

Потому что его видит Барбара Ярчик. Женщина, которая несколько часов назад потеряла сознание, не выдержав эмоций жены Теляка. Предположим, неохотно подумал Шацкий, что Рудский прав и существует поле, позволяющее во время расстановки чувствовать эмоции других людей. И Ярчик почувствовала эмоции Телякавой: ненависть, отчуждение, злость и боль, вызванную самоубийством дочери. И страх, что сын тоже вскоре умрет. Но Ярчик – в отличие от жены Теляка – отдавала себе отчет в «вине» Хенрика. В том, что из-за него – или для него – один ребенок покончил с собой, а второй заболел. Кто знает. Может, в голове Ярчик родилась мысль, что она спасет своего «сына», убив Теляка. Ярчик хватается за вертел и идет за Теляком. Тот слышит шаги, оборачивается и видит ее. Он не боится, но ему неудобно объясняться. Ярчик наносит удар. «За моего ребенка», – говорит она, но Теляк этого уже не слышит.

Но если все так, смогла бы Ярчик после этого не забыть стереть следы от пальцев? Сумела бы так хорошо лгать? Пошла бы позже сама «найти» труп или подождала бы, чтобы это сделал кто-то другой?

Сцена вторая. Теляк идет через зал. Думает, что его никто не видит, но это не так. Каим глядит на него и в очередной раз в этот день испытывает пронзительную боль в сердце. Поле продолжает действовать. Каим думает об умершей сестре и о том, сколько ему осталось жить. Хочет задержать Теляка и закончить терапию, спасти «себя». Но Теляк не хочет оставаться. Каим настаивает. Теляк отказывается и идет к выходу. Каим закрывает ему дорогу и наносит удар.

Именно в этом случае – Шацкий был уверен – Каим быстро пришел бы в себя, убрал, стер отпечатки. И сумел бы убедительно лгать.

⁴⁰ *Ибупром* — популярные таблетки от головной боли.

Сцена третья. Теляк думает, что никто его не видит, но это не так. Квятковская, его умершая дочь, наблюдает за ним из темного угла. Наподобие духа. Возможно, думает, сколько прошло мимо нее – лет жизни, радостей, путешествий, мужчин, детей. Она лишилась этого ради того, чтобы помочь человеку, который теперь удирает. Ему безразлична ее жертва, неважна ее смерть. «Почему ты уходишь, папа?» – спрашивает она, выходя из тени. «Ты с ума сошла? Я не твой отец», – отвечает Теляк и пытается пройти мимо. «Как ты можешь? Я ведь столько сделала для тебя», – с упреком говорит Квятковская. Печаль и жалость смешиваются с гневом. «Ты жопа, ничего не сделала. Иди лечись, женщина!» – говорит взбешенный Теляк. И Квятковская наносит удар.

Порошок начал действовать. Шацкому полегчало, и он милостиво позволил Уотерсу спеть *Bring the Boys Back Home*, слегка увеличив громкость. Позвонил Кузнецову и поехал в комендатуру. Ему хотелось поговорить и заодно осмотреть бумажник убитого. Не то чтобы это имело особое значение, но фигура Теляка являлась ключевой в этом деле. Чем лучше он его узнает, тем больше вероятность понять мотив убийцы. Либо мотив виртуального убийцы, завладевшего сознанием другого человека.

Боже мой, не слишком ли все, к гребаной матери, перепутано? – подумал Шацкий, ожидая, пока светофор даст ему свернуть с Прушковской на улицу Жвирки и Вигуры.

3

В столовке комендатуры «Центр» на Волчьей Кузнецов заказал чай с пирожным, а Шацкий – томатный сок. Он и без того перебрал кофеина во многих чашках кофе и чая у Рудского. Рассказал полицейскому о вчерашних допросах и сегодняшнем визите к терапевту.

– Ну и закручено, – констатировал Кузнецов, безуспешно пытаясь отломить вилкой кусочек пирожного так, чтобы взбитые сливки не разлетелись во все стороны, – то есть в некотором смысле и жена Теляка, и его сын – тоже подозреваемые.

– Подозреваемые – нет. Речь идет о том, что если бы у них имелся убедительный мотив, им могли бы руководствоваться участники терапии. Завтра я допрошу обоих, посмотрим.

– Если это окажется правдой, любой попугай их защитит. Ты подумай: видишь человека первый раз в жизни, потом четверть часа изображаешь его сына, из-за этого берешь вертел и втыкаешь ему в глаз. То есть у тебя как такового нет абсолютно никакого мотива.

Шацкий покивал. Он тоже об этом думал. Спросил, удалось ли что-нибудь установить на Лазенковской.

– Ноль. Осталось допросить еще пару человек, но я не верю в результат. Приехали в пятницу, сидели запертые, ни с кем не контактировали. Девушка, которая приносила им продукты и мыла посуду, два раза разговаривала с Рудским. Никого из пациентов не видела. Ксендз, снимающий помещение, виделся с Рудским всего раз, проговорили пять минут. Рудский – член Общества христианских психологов, имеет удостоверение, ксендз в нем ничуть не сомневается. Выражает сожаление и надеется, что мы найдем убийцу. Очень приятный человек, я сам с ним разговаривал. Немного похож на онаниста, как и все они, но дельный.

– Что-нибудь пропало в костеле?

– Ничегошеньки.

– Вахтер?

– Перестань, а то я подавлюсь. Шестидесятивосьмилетний старик, засыпающий перед телевизором на вахте. Я мог бы туда зайти ночью в компании десяти человек, расстрелять всех присутствующих из автомата, а он все равно поклялся бы, что было тихо, спокойно, и никого. Следов взлома нет, но, вероятно, двери были открыты.

Шацкий поднял руки в нетерпеливом жесте и ударил ими по столу.

– Ну, замечательно, – проворчал он.

– А в чем дело? – спросил Кузнецов, повышая голос.

– А в том, что, как обычно, вы ни черта не установили.

– А что, по-твоему, я должен был сделать? Повернуть время вспять, приказать им принять на работу более наблюдательного вахтера и установить видеокамеру наблюдения?

Шацкий спрятал лицо в ладонях.

– Прости, Олег, у меня был скверный день. Голова трещит от этого терапевта. Не знаю, вдруг я заразился чем-нибудь. К тому же я забыл, зачем сюда пришел.

– Хотел со мной встретиться, я же тебе нравлюсь, – Кузнецов погладил белые волосы прокурора.

– Отцепись.

– У-у-у, невоспитанный прокурорчик.

Шацкий рассмеялся.

– Последнее время мне все так говорят. Я хотел посмотреть вещи Теляка, прежде всего бумажник, и попросить, чтобы сняли отпечатки с пузырька успокоительного и поговорили с людьми из «Польграфэкса». Враги, конфликты, неудачные инвестиции, отношения на работе. Нужно показать им снимки Рудского и этой фантастической троицы. Рудский там бывал, его должны узнать, но если бы узнали еще кого-нибудь, это уже было бы кое-что. А я покажу их Телякавой и ее сыну. Вдруг выяснится, что они не были чужими.

Кузнецов скривился.

– Я тоже сомневаюсь, – Шацкий повторил его гримасу и выпил остатки томатного сока. Только сейчас он вспомнил, что любит его пить с солью и перцем.

Он всего раз видел лицо Хенрита Теляка и старался смотреть на него как можно меньше, но мог сказать, что дочь была на него очень похожа. Те же густые брови, почти сросшиеся на переносице, тот же широкий нос. Ни то ни другое женщину никогда не красило, поэтому девушка, глядевшая со снимка, показалась ему простушкой. К тому же из провинции, чему, без сомнения, была обязана топорным чертам отца. Зато сын Теляка выглядел как приемный. Шацкий не смог бы назвать черты, роднящие этого красавчика с отцом и сестрой. Не особо похож и на мать, которая не производила впечатления существа эфирного и прозрачного, а это, судя по фотографии, были главные черты ее сына. Удивительно, как не похожи бывают дети на своих родителей.

Юноша и девушка не улыбались, хотя это были не снимки для паспорта, а вырезки из семейной фотографии на море. Вдали виднелись волны. Фотография была перерезана надвое, и та часть, которая представляла Касю, окружала черная шелковая полоска. Шацкий задумался, зачем Теляк разрезал фотографию. Наверное, боялся, что траурная лента будет означать, что двое его детей умерли.

Кроме фото, в бумажнике нашелся паспорт и права, из которых следовало, что Хенрик Теляк родился в мае 1959 года в Цеханове и что умел ездить на мотоцикле. Несколько кредитных карт, две с надписью business, наверняка на счета фирмы. Рецепт на дуомокс – антибиотик от ангины, если Шацкий не ошибался. Штраф за превышение скорости – двести злотых. Почтовая марка с изображением Адама Малыша⁴¹: Шацкий удивился, что ее вообще выпустили. Абонемент на прокат видеокассет Beverly Hills Video на Повисле. Карта Польского Банка для процентов по депозиту. Карта сети кофеен Coffee Heaven, почти полностью заполненная. Еще один визит, и следующую порцию кофе Теляк получил бы бесплатно. Несколько выцветших и смазанных чеков. Шацкий обращался с ними так же: покупая что-либо, брал чек, чтобы сохранить гарантию; вежливая продавщица советовала ему сделать ксерокс, иначе чек выцветет, он клал его в бумажник и забывал. Два купона лотереи и два собственноручно заполнен-

⁴¹ Адам Малыш — польский прыгун на лыжах с трамплина, четырехкратный чемпион мира.

ных бланка. Видимо, Теляк верил в магию цифр и не играл наугад. У него были свои счастливые номера. На каждом купоне и бланке виднелся набор одних и тех же чисел: 7, 8, 9, 17, 19, 22. Шацкий записал их, а после минутного раздумья списал и номера билетов, предназначенных для субботнего голосования. Никто ведь их не проверял в понедельник. Кто знает, может, Теляк сорвал шестерку! Шацкому стало стыдно при мысли, что он мог бы оставить купоны себе, вместо того чтобы отдать вдове. Неужели смог бы? Конечно же, нет. Или все-таки... Круглый миллион или больше, до конца жизни можно было бы не работать. Он часто задумывался, правда ли, что каждый имеет свою цену. За сколько, например, он согласился бы прекратить следствие? За сто, двести тысяч? Любопытно, при какой сумме он задумался бы, вместо того чтобы сказать «нет»?

4

Хенрик Теляк не набрал даже тройку. Шацкий откопал в секретариате прокуратуры вчерашнюю газету и проверил номера. Три двойки, а из «счастливых» чисел вышло только 22. Он взял также «Речь Посполитую» и прочитал текст Гжельки об убийстве, утвердись во мнении, что эта газета способна из любого дела сделать сенсацию масштаба, сравнимого разве что с появлением на рынке новой марки маргарина. Скука, скука, скука. Однако он продолжал испытывать неловкость при мысли о том, как вчера обошелся с журналисткой. Вспоминал и ее улыбку, сопровождавшую слова: «Вы очень невежливый прокурор». Может, девушка и не в его вкусе, но эта улыбка... Позвонить? Почему бы нет? В конце концов, живем только раз, и через двадцать лет молодым журналисткам не придет в голову приглашать его на кофе. Вот уже десять лет он хранит собачью верность жене и как-то не ощущает особой гордости по этому поводу. Наоборот, ему все время кажется, что жизнь уплывает, а он отказывается от самой привлекательной ее стороны.

Он вынул из стола визитку Гжельки, повертел ее в пальцах, принял решение и положил руку на телефонную трубку. И вдруг телефон зазвонил.

– День добрый, Иренеуш Навроцкий с той стороны.

– День добрый, пан комиссар, – ответил Шацкий, не без облегчения отложив визитку в сторону.

Навроцкий был полицейским из КСП⁴², вероятно, самым большим оригиналом из всех столичных «мусоров». Шацкий ценил его, но не любил. Они дважды работали вместе, и каждый раз попытка вытянуть из Навроцкого информацию, что он сделал и что собирается делать, сама по себе напоминала следствие. Навроцкий ходил своими тропками, и ни одна из них не проходила рядом с прокуратурой. Мало кому это мешало так, как Шацкому, желавшему полностью контролировать все этапы расследования. Однако оба их следствия закончились успешно, и прокурору пришлось признать, что благодаря материалу, собранному полицейским, ему удалось написать исключительно сильный обвинительный акт.

– Вы помните тело, которое откопали в детском саду?

Шацкий подтвердил. Громкое было дело. Тогда ремонтировали площадку для игр в детском садике на Кручей, желая заменить античные качели на обезьянник, площадку для игр и так далее. Раскопали территорию площадки и нашли труп. Старый, все думали, возможно, еще военный, времен Восстания. Но вскоре выяснилось, что это ученица восьмого класса из соседней с садиком школы, исчезнувшая в 1993 году. Нашли всех соучеников по классу, учителей, была куча работы. Конечно, все шло псу под хвост, мало кто мог вспомнить, чем занимался в ночь с такого-то на такое-то десять лет назад. Оставались акты расследования по делу

⁴² КСП — контрольная служба полиции.

об ее розыске, но такие дела ведутся совершенно иначе, некоторые вопросы просто не задают. В конце концов он прекратил следствие, так как не удалось найти адреса нескольких знакомых девушки. Полиция продолжала их искать, но не очень настойчиво. Он знал, что Навроцкий постоянно что-то разыскивает в связи с этим делом, но перестал его спрашивать. Он знал, что если тот что-нибудь найдет, все равно ему придется просить о возобновлении следствия.

– Так вот, нам позвонил по 997 один пан, не назвавший себя, – монотонно бубнил Навроцкий голосом, наводившим на мысль об университетском преподавателе, – и рассказал очень любопытную историю.

– Да ну? – Шацкий не верил анонимным историям.

– Рассказал, что девушку, а звали ее Сильвия Боничка, изнасиловали трое коллег из параллельного класса, в том числе один второгодник. Вы помните, как это было. Поздно вечером она вышла от подруги на Познаньской и не вернулась домой. Дорога к дому проходила мимо школы. А перед школой всегда вертятся разные типы, в любое время дня и ночи, вы знаете. Сейчас, может, и нет, но когда-то так было.

Шацкий задумался. Действительно, учеников из параллельных и других классов не допрашивали, положились лишь на акты расследования, из которых ничего не следовало. Пато-логоанатом не был в состоянии утверждать, что девушку изнасиловали, поэтому все время велось дело об убийстве, а не об изнасиловании. Насколько он помнил, у Бонички не было контактов с мальчиками из других классов. Тогда бы это проверили.

– А ваш анонимно звонивший пан сообщил какие-нибудь фамилии? – Шацкий не пытался скрыть насмешки.

– Нет. Но добавил еще кое-какие сведения. Очень интересные и, по моему скромному мнению, нуждающиеся в проверке, – монотонно продолжал Навроцкий. – Он сказал, что ее убили не насильники. Что после случившегося она пришла к отцу, а тот убил ее и закопал на детской площадке. Дескать, не мог вынести стыда. Не хотел, чтобы люди узнали.

Теодор Шацкий почувствовал, как у него холодеет кожа на спине и плечах.

– Пан прокурор, вы помните, кем был отец Бонички? – спросил Навроцкий.

– Дворником в школе, – ответил прокурор.

– Верно. Не могли бы вы разыскать это дело в вашем шкафу?

– Конечно. Прошу только прислать мне телефонограмму нашего разговора. Попробуйте найти всех учащихся из параллельных и предыдущих классов и, соответственно, их прижать, а я потом допрошу отца.

– Я и сам могу его допросить, пан прокурор, – предложил Навроцкий.

Шацкий заколебался. Накопилось много дел, которые он вел, еще куча бумажной работы, но ему не хотелось уступать Навроцкому.

– Посмотрим, – он попытался оттянуть решение. – Сначала проверим теорию об изнасиловании. И еще одно, пан комиссар, – он понизил голос, хотя с той стороны не доносилось и шороха. – У меня такое впечатление, что вы не все мне сказали.

Тишина.

– Вы же легко и быстро вычисляете всех звонящих по 997. Вам наверняка известно, кто звонил.

– А вы можете мне пообещать, что это не повлияет на ваше решение?

– Обещаю.

– Ну, так мы нашли этого человека. Оказалось, он из Лодзи, я даже съездил туда, чтобы с ним поговорить. – Навроцкий замолк, и Шацкий собирался продолжить: «Ну и...» – но удержался.

– Оказалось, что это очень милый старичок. Ясновидец. Он прочитал где-то в газете об этом деле, и ему явилось во сне, как все происходило. Он посомневался, но, в конце концов, все же нам позвонил. Я знаю, что вы подумали, но признайтесь, что все одно к одному.

Шацкий неохотно поддакнул. Он верил своей интуиции, а звонящим анонимно в полицию старичкам-ясновидцам – нет. Впрочем, в данном случае видения пенсионера перекрывались с одной теорией прокурора. Ему всегда казалось, что ту девушку неслучайно закопали на территории садика рядом со школой, в которой работал ее отец. Только у него никогда не было и намека на крючок, за который можно бы было потянуть. Кроме того, он боялся, что его теория окажется правдой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.